

Лидия Лукьяненко

Случайная жизнь

Увидеть Париж

Эта неделя выдалась невероятно удачной для Никиты. Во-первых, его повысили в должности. Это было ожидаемое и заслуженное повышение, а потому доставило настоящее удовольствие. На новой должности оклад стал больше плюс проценты от продаж его отдела. Во-вторых, строители наконец закончили ремонт его новой квартиры. А в-третьих, он купил машину.

В жизни каждого человека бывают периоды, когда все дается легко: вдруг находятся давно потерянные вещи, звонят старые друзья, с которыми не виделся сто лет, и исполняются самые невероятные желания. Такие периоды называют белыми полосами. Их ждут годами и ценят безмерно. И всегда суеверно опасаются, что вот-вот белая полоса закончится и наступит черная — как расплата за прежнее везение. Поэтому и торопятся все нужные дела и начинания сделать именно в белый период.

Никите все это далось нелегко, и он тоже торопился. В его жизни, жизни тридцатилетнего

холостяка, до сих пор было много труда, много упорства и очень мало свободного времени. Постоянное самосовершенствование как специалиста, стремление честным трудом занять соответствующее своим пожеланиям место в компании, создать прочную материальную базу для будущей, уже семейной жизни.

Друзья удивлялись планомерности его жизни. Молодой парень, здоровый, спортивный, а живет словно робот, по строгому расписанию. Ни загулов до утра, ни пьянок с друзьями, ни бурных романов с девушками модельной внешности, которыми, словно улей пчелами, забито все двадцатипятиэтажное здание их компании. Никита был совсем не праведником, и женщины в его жизни случались. Но ему было по душе то, что они не были знакомы с кругом, в котором он постоянно вращался. Ведь практически в офисе и проходила его жизнь. Пока в его квартире шел ремонт, он даже на выходные приезжал на работу и просиживал до ночи за компьютером. Он любил дело, которым занимался. Со старыми друзьями и дальними родственниками общался исключительно при помощи компьютера. А как, скажите, еще это возможно, если Стас с женой — в Америке, двоюродная сестра Рита — в Канаде, Руслан и Катя, его одноклассники, — в Австралии? А теперь к ним присоединился и Денис, его лучший

друг со времен института, — укатил в Париж.

Его отсутствие он ощущал особо остро, хотя прошло уже полтора года, можно было бы и привыкнуть. Пока они учились в институте — делили одну комнату в общежитии, потом вместе снимали квартиру. Сначала — маленькую гостинку, а как стали больше зарабатывать — двухкомнатную. На его глазах развивался роман Дениса с Наташей. Он был свидетелем на их свадьбе. А потом стал свидетелем их развода. Трудно сказать, кто переживал этот разрыв тяжелее — он или Денис. Никита считал их удачной парой, а семейное счастье друга воспринимал как надежду, что вечная любовь все же существует, а значит, и у него есть шанс ее встретить. Но жизнь распорядилась иначе. Брак Дениса распался спустя два года. Самым неприятным стал тот факт, что Никита сам оказался невольным виновником их развода. Наташа нравилась ему, но только как жена друга. Он был рад услужить, помочь ей. А она все воспринимала, как оказалось, иначе.

Невольно сравнивая друзей, Наташа пришла к неутешительному выводу, что выбрала худший вариант, и со свойственной ей прямоотой решила исправить ситуацию. Но она не поняла, что для Никиты она всегда была женой друга — и только лишь. В результате она задела самолюбие Дениса и потеряла на этом мужа, так ничего и не приобретя

взамен. Потому что для Никиты дружба с Денисом была во сто крат дороже, а о Наташе как о женщине он никогда не помышлял. В итоге ситуация сложилась довольно щекотливая, и Никита мучился своей непонятной виной, пока Денис не сказал:

— Ты здесь ни при чем. Не ты, так другого найдет. А я не намерен из-за бабы терять лучшего друга...

Вскоре он улетел в Париж. Решил попытаться счастья во Франции. А почему бы нет? Денис — молодой, энергичный, может работать в разных направлениях, к техническому образованию еще и языки. Когда же пробовать, как не в молодости? К тому же снова холостой, легкий на подъем.

Никите его доставало. Не хватало их вечерних разговоров перед сном, его юмора, приправленного здоровым цинизмом, его заводного нрава и неожиданных выходок. Наташка — дура! Как можно было предпочесть такого интересного парня спокойному и даже скучному Никите? С Денисом они потому и ладили, что прекрасно дополняли друг друга. И его старый друг никогда не считал Никиту занудным, как его теперешние приятели.

Сразу Денис писал очень часто. Первое время они обменивались письмами по несколько раз в день и все знали друг о друге. Но со временем письма Дениса стали более краткими и приходили

все реже. У друга появился свой круг общения и новые интересы.

На работе у Никиты тоже подобрался круг приятелей: Коля, начальник соседнего отдела, его заместитель Вадим, юрист Женька и программист Игорь. Заводилами были, конечно же, Вадим с Женькой. Они затевали мальчишники по пятницам, походы в ночные клубы, вылазки на шашлык и рыбалку и поездки в соседние города. Никита в таких развлечениях участие принимал, но без особого энтузиазма и не слишком часто. Он не мог позволить себе тратить много времени и денег на беззаботные развлечения. Друзья к его отказам уже привыкли и особо не наседали.

Женька, худой и высокий, всегда модно одетый, с волосами до плеч, собранными в девичий хвостик, иногда подначивал Никиту:

— Я тебе удивляюсь! Когда же отрываться, как не в молодости? Тратить жизнь на работу — это преступление перед самим собой!

Женьке легко было говорить и отрываться, когда вздумается. Квартиру приятелю купил отец, на машину тоже добавил. Женька был коренным киевлянином и всегда жил в достатке. И хоть спусти он все до трусов в казино, ему всегда было куда пойти переночевать и получить на ужин тарелку маминого борща.

Никита вырос в провинции, в поселке при

железнодорожной станции. Его отец пьяным попал под поезд, когда Никита еще в школу ходил. Мать всю жизнь на инвалидности. Никита был ее поздним и единственным ребенком. И единственной надеждой. Поэтому студентом он не на дискотеках прыгал, а подрабатывал грузчиком в хлебном магазине под их институтом. К шести тридцати на работу приходил, а в полдевятого уже сидел на парах. В институте сам компьютер освоил. В их школе компьютер был всего один, и тот стоял вечно сломанный, а у них дома не то что на компьютер, на хлеб не всегда деньги были. Но освоил быстро: стремление быть лучшим всегда выводило Никиту на первые места. Потом стал работать в фирме. Сначала несложную работу за гроши выполнял, и то был рад, что на неполный день взяли. Со временем стал хорошим специалистом, а платили все так же. И если бы не Денис, то так бы и горбатился за копейки. С подачи друга Никита перешел в другую фирму и на другие деньги, и к концу института у него был уже приличный опыт работы. Мама умерла, когда он перешел на последний курс. Дом их по дешевке купил сосед, и Никита остался совсем один. Единственная тетка, сестра матери, умерла еще раньше, а ее дочь жила теперь далеко, за границей.

Потому Никита по-другому относился к жизни, чем его более удачливые друзья. У них были

родители, квартиры, родственники. У Вадима вообще их было целое скопище, причем с хорошими связями, благодаря которым он и попал в фирму. Никиту же пригласили исключительно из-за его деловых качеств.

Пока они снимали жилье с Денисом, Никиту все устраивало. Арендная плата на двоих была приемлемой. Даже когда появилась Наташа, ничего не изменилось. Молодожены занимали одну комнату, Никита — другую. Он сначала собирался съехать, чтобы не мешать молодой семье, но они в один голос уговаривали его остаться. Так веселее, убеждали они, и дешевле. Он сдался, потому что, в сущности, они стали его семьей и ему самому не хотелось жить отдельно. Потом, конечно, он пожалел о том, что не съехал...

Когда Денис улетел во Францию, Никита начал подумывать о собственном жилье. Снимать квартиру одному было слишком дорого. Нужно было покупать свою. С этим ему повезло. Он быстро нашел хороший и вполне доступный вариант. Правда, квартира была убитая, как говорится, вусмерть. Но ему что так, что эдак пришлось бы делать ремонт: Никита был брезглив и чистоплотен по природе, и жить в стенах, где отирались чужие люди, он бы не стал. Денег на покупку не хватало, и он оформил кредит в банке. В

квартире последние лет тридцать обитала старушка, и ремонта ее жилплощадь не видела давно. Хозяйка умерла; ее дети, приехав из других городов, наследство продавали в срочном порядке и потому отдали дешево.

Дом был старым, хрущевской постройки. Но у квартиры оказалось два очень веских достоинства — удачное месторасположение и приятный вид из окна. Никита сразу это даже не оценил. Главное — дешево, комната большая, в кухне повернуться можно, не то что в других хрущевках, а что ванная вместе с туалетом, так сейчас это даже модно. А как стали делать ремонт, открылись и другие достоинства. Во-первых, под старым линолеумом обнаружился добротный паркет, который достаточно было отциклевать и пару раз вскрыть лаком, чтобы привести в норму. Во-вторых, старая мебель оказалась из хорошего дерева. Мастер, которого он пригласил разобраться с паркетом и столяркой, оказался талантливым любителем-краснодеревщиком и взялся ее реставрировать.

После ремонта квартира полностью преобразилась. Строители поменяли двери и окна. В санузле стены сияли новой керамической плиткой, а сантехника — первоначальной белизной. Кухню ему изготовили на заказ, из недорогих материалов, но очень приличную. В комнате со

светлыми обоями вычищенная и подновленная старинная мебель создавала неожиданный уют. Здесь уживалось старое и новое. На секретере с гнутыми ножками поместился компьютер, а маленький телевизор — на комодe для белья. Даже изголовье старой кровати, которое мастер пристроил к новому каркасу и ортопедическому матрасу, отлично вписывалось в общий интерьер.

Соседка Никиты, общительная и приятная черноволосая женщина средних лет, которая была дружна с предыдущей хозяйкой, пришла оценить ремонт. Ей очень понравилось сочетание старой мебели и современной техники. Она ходила по квартире, всплескивая руками:

— Надо же, как у вас ладно все получилось. Вот молодец-то! А еще говорят, что у мужчин вкуса нет.

— Да это не я. Что-то мастер подсказал, что-то маляр. Сказали, что если я хочу, чтобы комната просторнее казалась, то стены должны быть светлые. А я вообще простор люблю. Мастер так эту мебель хвалил! Говорит: классная работа, ей износу не будет! Просто где-то скобу заменить, где-то планку прибить. Пошкурил все, покрасил, лаком вскрыл, и смотрите — как новая!

— Красиво, красиво вышло, что и сказать. И кухня хорошая. Все есть. Вы извините, что я без приглашения пришла. Я познакомиться. С соседями

дружить надо. Меня зовут Лилия Петровна.

— Никита.

— Очень приятно.

Лилия Петровна принесла в подарок большой вазон с китайской розой и угостила Никиту пирогом с вишней собственного приготовления, а он напоил ее чаем.

— Ты не бойся, что в этой квартире человек помер... — сказала она, когда они приступили к чаю с пирогом.

— А я и не боюсь, — ответил Никита, хотя такие мысли и приходили ему в голову.

— Многие скажут, что в таких квартирах плохая энергетика, и это правда. Но не в этом случае. Во-первых, я здесь отпевание заказывала. Так старушка мне велела. Так что здесь молитвой все очищено. А во-вторых, плохая энергетика от плохих людей остается, а Варвара Викентьевна была человеком хорошим. Так что здесь тебе хорошо будет!

На правах нового друга Лилия Петровна вызвалась сшить ему занавески. Никита согласился, и спустя несколько дней его окна были задрапированы новыми гардинами в комнате и кружевным тюлем в кухне.

Он хотел заплатить Лилии Петровне, но та наотрез отказалась. Да еще и обиделась:

— Чтоб я с соседа за дружескую услугу

деньги брала?

— Простите, — стусевался Никита. — Я хотел как-то отблагодарить...

— Отблагодаришь еще. Мы соседи шумные. Еще мой Колька сто раз тебя попросит.

И правда, спустя несколько дней к нему пришел парнишка лет пятнадцати и попросил помочь с заданием по информатике. Лилия Петровна когда-то жила в коммунальной квартире и свои привычки быть с соседями на короткой ноге не меняла. Она нередко подкармливала Никиту домашней едой, а взамен время от времени просила его о разных услугах: помочь старую мебель вынести, починить кран или прибить полку. Она познакомила его с другими соседями. Так Никита постепенно вращался в свое новое окружение, и это ему нравилось.

Благодаря хорошему окладу и жесткой экономии он всего за год погасил кредит и был очень доволен, что успел так быстро и сравнительно недорого приобрести собственную квартиру: за последние месяцы цены на жилье в городе сильно выросли. А с повышением в должности пришли и новые возможности. Квартиру он уже имел, жил по-прежнему экономно, поэтому решил исполнить свою давнюю мечту — купить машину. Он оформил новый кредит и оказался за

рулем синего «рено».

Водительские курсы Никита закончил давно, еще в институте, однако практика уже подзабылась, и пришлось взять несколько частных уроков. Но вот уже вторую неделю он ездил на работу на собственной машине. Это было непередаваемое ощущение. Состояние постоянного праздника и постоянного же напряжения. Вождение пока не стало для него удовольствием. В офисе за весь день он уставал меньше, чем за один час за рулем. Чтобы привыкнуть, Никита ездил по вечерам по мало оживленным улочкам, по десять раз парковался у дома, отрабатывая повороты и задний ход. Он привык все делать на отлично. И это того стоило! Когда утром он парковал свой автомобиль у высотного здания компании, то с грустью думал о том, как порадовалась бы его успеху мама. Кто из жителей их поселка мог подумать, что мальчишка из самой бедной семьи, сын алкоголика и инвалидки, станет одним из ведущих специалистов в крупной столичной компании, будет иметь собственную квартиру и личный автомобиль?! Теперь он был уверен в будущем. Дальше его ждет очередное повышение, квартира больше и ближе к центру, престижная машина... И главное, теперь можно всерьез подумать о семье. Никита не хотел жениться нищим и идти жить к городской невесте, такой вариант у него был еще в институте. Он хотел

привести жену в собственный дом.

Своими достижениями он, конечно же, делился с Денисом. В последнем письме тот его поздравил с приобретением машины и в который раз сетовал, что Никита теперь не рядом с ним. Денис предлагал ему ехать во Францию вместе. Они всегда были опорой друг другу. Но Никита отказался. Ему нравилась работа в компании, и он видел в ней вполне конкретную перспективу. Он так долго шел к тому месту, которое недавно занял, что бросать все и отправляться в неизвестность ему было совершенно ни к чему. К тому же он не знал других языков, кроме английского технического, и был слишком серьезным, чтобы пускаться в авантюры — ехать неведь куда и непонятно зачем. Денис — другое дело! Он авантюрист по натуре, золотоискатель. Из-за этого ему всегда везло чаще других, но и обломы случались тоже чаще.

В тот вечер он, как всегда, вышел из офиса после восьми, когда большинство сотрудников уже давно покинули здание. Никита задерживался часто: он не умел по звонку начинать или заканчивать работу. Его синяя машина сиротливо стояла на парковке. Майский вечер был светлым и теплым.

Никита медленно вырулил со стоянки и поехал знакомой дорогой домой. Машин было немного, и он чувствовал себя уверенно. На

перекрестке он остановился на красный свет, пропустил пешеходов и, как только зажегся зеленый, снова наступил на газ. Он проехал следующий перекресток, миновал еще одну зебру, и вдруг прямо под колеса его машины метнулась женская фигура. Никита стремительно выжал тормоз, машина, завизжав резиной, резко остановилась, но женщина уже упала под бампер «рено».

Никиту прошиб холодный пот. Вот тебе и белая полоса! Неужели все его везение закончится тюрьмой? Он еще не привык к габаритам своего автомобиля, и перед глазами тут же всплыла жуткая картина: под колесами кровь и бездыханный труп.

Начинающий водитель, купивший автомобиль на деньги, заработанные собственным трудом, всегда старательно избегает возможных столкновений. Никиту пугало близкое соседство любой машины, а самая маленькая царапина на капоте могла испортить настроение на весь день. Особенно он опасался бегущих пешеходов, которые в часы пик то и дело возникали в не предусмотренных для перехода местах.

— Друг, ну почему ты лезешь именно под мою машину? — любил он приговаривать, тормозя и пропуская очередного нарушителя. — Надоела жизнь, так с моста прыгни. Почему надо обязательно сажать кого-то в тюрьму?

Это был юмор в стиле Дениса, и он его своеобразно развлекал.

Но сейчас все было совершенно серьезно. За несколько секунд Никита не успел ничего понять. Как он мог сбить женщину, стоявшую на тротуаре? Если она бежала, то почему он ее не заметил? Не сама же она бросилась под колеса?

Возле них начал собираться народ. Поначалу Никита словно прирос к рулю, но, когда шум голосов усилился, вышел из машины. Все обстояло не так уж плохо. Девушка сидела на асфальте перед капотом и потирала ушибленную коленку.

— Что случилось?

— Женщину сбили.

— Вот этот?

— Ага.

— Летают как сумасшедшие!

— Чуть человека не угробил!

Никита не слушал окружающих. Он смотрел на девушку в тонком зеленом с разводами платье. У нее были прямые длинные волосы цвета пшеницы и красивые стройные ноги, обутые в белые босоножки. Лица он не видел: она сидела, низко наклонив голову.

— Пропустите, граждане. — Толпа расступилась перед неизвестно откуда взявшимся гаишником. — Что произошло? Пострадавшая вы? — наклонился он к девушке. — Встать можете?

Помощь врача нужна? — Он повернулся к Никите. — Вы водитель? Пройдемте к машине. Граждане, расходитесь, не создавайте затор! Если есть свидетели происшествия, подойдите к милиционерскому автомобилю.

После этих слов толпа поредела, а вскоре почти все разошлись.

— Так... — Молодой гаишник сдвинул фуражку и почесал лоб. — Значит, свидетелей нет. Нарушаем, гражданин водитель. Ваши права, страховка и документы на машину.

Из-за «рено» выехала белая «девятка» и притормозила возле милиционерской машины.

— Товарищ инспектор, я все видел. — Из автомобиля вышел невысокий крепкий мужчина лет сорока. — Водитель не виноват. Она сама под колеса сиганула. Я сразу по тормозам. Едва его в зад не пнул. Таких вот и надо сажать. Жить надоело, так чего другим ее портишь!

Он повернулся в сторону девушки и смерил ее гневным взглядом. Она по-прежнему не поднимала лицо, скрытое русыми волосами.

— Так все и было? — спросил Никиту гаишник.

Он кивнул, все еще не смея поверить в благоприятный исход происшествия.

— Да она сама упала! Он ее даже не задел. Очень быстро отреагировал, — настаивал

мужчина. — Вы осмотрите машину.

Инспектор вдвоем с подошедшим коллегой присели перед капотом и тщательно его осмотрели.

— Никаких вмятин, — подтвердил второй. — Девушка, машина вас задела?

Пострадавшая не отвечала, словно не слышала.

— Эй, девушка, вам плохо? У вас шок? — заглянул гаишник ей в лицо.

В этот момент подъехала скорая помощь, и пожилая врач в очках и белом халате увела девушку в машину.

Инспектор, не выпуская документы Никиты из рук, велел свидетелю и предполагаемому нарушителю написать, как было дело. Никита очень подробно написал, как он ехал, соблюдая правила, и как аварийно затормозил, увидев фигуру, бросившуюся под колеса. Гаишник собрал показания, сунул Никите протокол для подписи и велел подождать заключение врача. Пожилая женщина в белом халате подошла и сообщила, что никаких видимых повреждений, кроме ушиба коленного сустава, у пострадавшей не обнаружено. Но для полного заключения девушку нужно отправить в больницу и провести обследование.

— А чего она молчит? — спросил гаишник.

— Шок, — констатировала врач и, поглядев на бледного Никиту, спросила: — А вам помощь не

нужна?

Он отрицательно покачал головой.

— В общем, мы возьмем ее в шестую больницу, в травматологию. В райотдел сообщат.

— Так, а имя-фамилия ее как?

— Узнаем — сообщим. — И докторша направилась к машине скорой помощи.

Гаишник, словно нехотя, отдал документы Никите.

— Держите, водитель. Считайте, что вам повезло. Придет повестка в суд, обязательно явитесь по указанному адресу. С потерпевшей держите связь. Советую посетить ее в больнице после обследования.

— Не дрейфь, парень! — хлопнул его по плечу мужик из «девятки». — Обойдется. Машина без вмятин — это главное. И ты ничего не нарушал. Так на суде и говори. А сейчас, как приедешь, водки выпей! Граммов двести. Проверено — помогает!

Никита пожал ему руку и сердечно поблагодарил. А приехав к себе, выпил рюмку водки, чего обычно никогда не делал в одиночестве, помня о пагубном пристрастии своего отца.

На следующий день он позвонил в офис, сказал, что будет после обеда, и на вопрос честно ответил: «Мне в больницу надо». В травматологии долго не могли понять, чего он хочет. Какая

больная, какое ДТП? Имя-фамилия у больной есть? Дежурная сестра довела Никиту до белого каления, после чего направила его к дежурному врачу.

Врач прибыл на дежурство только утром и ничего не мог сказать о вчерашней больной, так как ее уже в больнице не было. Вняв его настойчивым просьбам, он позвонил травматологу, дежурившему вечером, и выяснил, что да, поступала пострадавшая в ДТП. Ей сделали рентген, никаких внутренних повреждений не обнаружили и дали успокоительное. После чего она сообщила свои данные и уехала домой.

— Спросите у него, пожалуйста, — нависал над врачом Никита, — у нее действительно не было никаких повреждений? Это точно?

Дежурный врач повторил вопрос и энергично закивал, подтверждая ранее сказанное:

— Не волнуйтесь. Все с ней в порядке. Мой коллега утверждает, что перенесенное нервное потрясение налицо. Но не от ДТП. Что-то повергло ее в шок до этого, как результат — попытка суицида или просто несчастный случай.

— Это точно? Мне не надо ехать к ней?

— Думаю, не стоит. Милиция была? Значит, в суд вас все равно вызовут. А начнете проявлять инициативу, она еще на вас всех собак повесит.

— Как это?

— Ну, подумает на досуге и решит обвинить

вас в том, что именно вы довели ее до шока. Подает в суд на возмещение морального ущерба, или на лечение последствий наезда, или еще что-нибудь. Знаете, такие аферистки попадаются...

Никита дал ему двадцать долларов в благодарность за хлопоты, которые врач спокойно принял, и отправился на работу.

Тревожные мысли по поводу этого инцидента не давали ему покоя все время, которое предшествовало суду. Повестка пришла спустя две недели. В здание суда он явился загодя, готовый ко всему, даже к самому худшему. Но все прошло очень обыденно. Его пригласили в указанный кабинет, который оказался маленьким помещением на два стола. За столами сидели две молодые женщины: одна — судья, другая — ее помощница. Судья жестом пригласила его сесть, быстро прочла вслух содержание протокола и заключение из больницы и объявила, что на основании свидетельских показаний и осмотра автомобиля он признается невиновным в совершении ДТП, тем более что потерпевшая сторона претензий не предъявила и в суд не явилась.

После объявления судебного решения Никита еще несколько минут сидел, не веря, что все обошлось, но постепенно пришел в себя и встал, устыдившись своего малодушного волнения.

Молодая судья и ее помощница насмешливо смотрели на его напряженное лицо.

— Вы можете быть свободны.

— Спасибо, — сказал Никита. — А почему она не пришла?

— Откуда мне знать?

— И это все? — по-прежнему не веря, переспросил он.

— Да.

— Вы сказали, что она до суда не предъявила претензий. А потом может?

— Что «может»? — раздраженно спросила судья.

— Ну, это... предъявить претензии.

— Вот у нее и спросите!

Никита подумал и попросил:

— Дайте, пожалуйста, ее адрес.

Девушка жила в новом районе на окраине. Это было довольно далеко от офиса, поэтому Никита смог поехать туда только через день. Ему все еще с трудом верилось, что он так легко отделался.

Указанная квартира находилась на двадцать первом этаже высотного дома, и, поднимаясь в новом скоростном лифте, он думал о том, что сказал врач. Если девушка и правда хотела покончить с собой, что же у нее произошло? И тут же его охватило раздражение: живет на такой высоте! Можно покончить с собой, сделав всего

один шаг с балкона!

Девушка открыла дверь, даже не спросив «Кто?». Она оказалась довольно высокой, худенькой и миловидной. Длинные русые волосы были гладко зачесаны назад и заплетены в косу, из-за чего высокий лоб и большие глаза казались очень выразительными. Нижняя часть лица была мелкой: маленький рот и небольшой носик придавали ей кукольное выражение. Но кукла была достаточно грустной.

— Вы от Геннадия? За вещами? — спросила она.

— Нет, я к вам.

Ее тонко выщипанные брови недоуменно взметнулись, но через мгновение она напустила на лицо равнодушное выражение и махнула головой в сторону гостиной — очевидно, приглашая его войти.

Они зашли в роскошно обставленную комнату. Никита с уважением посмотрел на огромный телевизор с плоским экраном. Он давно мечтал купить себе такой же.

Девушка присела в большое белое кресло и жестом пригласила его сделать то же самое. Спокойное достоинство, с которым она держалась, как-то не вязалось с его сложившимся впечатлением о ней. Никита ожидал увидеть нервную, неуравновешенную девицу, чуть ли не

сумасшедшую. И то, что она оказалась совершенно не такой, сбило его с толку.

— Я пришел узнать, почему вы не явились в суд.

В этот раз брови приподнялись лишь чуть-чуть, и через мгновение ее лицо осветила виноватая улыбка:

— А-а, так это вы? Тот самый пострадавший!

— Наоборот. Пострадавшая — это вы. А я, вашей милостью, нарушитель.

— Ну да, это они так думают. — Она нахмурилась, встала и нервно заходила по комнате. — Я же им все сказала. Это было глупо с моей стороны! Совершенно глупо! Так зачем мне ходить на их дурацкий суд? И вам. Вы же не виноваты!

— Такова процедура, — напомнил Никита. — Они действуют по закону. И я их понимаю. Для всех было бы лучше, если бы вы все-таки приехали в суд и повторили то, что сейчас сказали мне.

— А вы, видно, такой же. — Она, сплетя руки на груди, остановилась посреди комнаты и, прищурившись, посмотрела на него. — Законопослушный и правильный. Вам нравятся эти законы? Вот вы их и придерживайтесь! Я их не писала! Почему же я должна что-то делать по этим законам?

«Точно не в себе», — подумал Никита. Не

стоило ему приходиться сюда.

— Все вокруг такие правильные, что жить тошно! — продолжала девушка, словно не видя его. — И подлости делают исключительно из правильных побуждений. И людьми манипулируют, и лгут тоже исходя из законов. А эти самые законы составляет кучка уродов. И пишутся законы под конкретного человека. Вот захотелось одному олигарху, чтобы было так, — и все, закон приняли! Вот вы, рядовой гражданин этой страны, обыкновенный обыватель, скажите, вы счастливы в ней?

— Вы говорите ерунду, — холодно возразил Никита, которого обидело слово «обыватель». — Законы составляются исходя из здравого смысла и нормальной логики. Потом долго обсуждаются компетентными органами и принимаются в соответствующих инстанциях.

— Какую чушь вы несете! Вы, человек, который чуть не пострадал из-за того, что какая-то ненормальная бросилась к вам под колеса. Да если бы вы не успели затормозить, на вас бы уже повесили уголовное дело. И вы долгие годы провели бы в тюрьме за непредумышленное убийство. Да вы ненавидеть меня должны! А вы пришли сюда с видом побитой собаки. Да не стану я на вас в суд подавать, не бойтесь! Живите спокойно!

— Чего вы на меня орете? — вдруг вспыхнул Никита, что случилось с ним крайне редко.

Фраза о побитой собаке задела его за живое. Что, он действительно приперся из страха, что эта дура будет его терроризировать? Пусть только попробует!

— Если я и пришел сюда, то только из-за того, что вы сначала сбежали из больницы, а потом не приехали в суд. Ситуация ненормальная, а я привык свои проблемы решать цивилизованно! Какого черта вы бросились под машину? Вам что, действительно жить надоело?

— Вам не понять, — надменно бросила она и снова уселась в кресло.

— Да куда уж мне понять ваши переживания! Сразу видно, — обвел он насмешливым взглядом комнату, — живете вы в ужасных условиях. Нищета, беспросветная бедность, тяжелое детство. Богатые тоже плачут? Слышал!

— Не ваше дело! — отрезала она. — Такие разные люди, как вы и я, никогда не поймут друг друга.

— Да не собираюсь я вас понимать! — Никита сам не знал, почему она так его раздражала. — Вы с жиру беситесь, а я чуть не поседел за эти дни! Хочется покончить с собой? Есть масса способов сделать это, не привлекая ни внимания, ни участия общественности. Или напоследок хочется хоть

кому-то сделать гадость? Но я-то чем виноват? Тем, что встретился на вашем пути?

Девушка закусила губу, теперь она выглядела подавленной.

— Хорошо. Я готова перед вами извиниться. Я не хотела никому доставлять неприятностей. Довольно с вас?

Никите тоже стало неловко. Несмотря на раздражение, девушка все же вызывала в нем сочувствие.

— На суд я не пришла, потому что мне не до того, — устало сказала она. — А из больницы сбежала, потому что испугалась, что меня упекут в сумасшедший дом или поставят на учет. А так никто ничего не узнает.

— Почему не узнает? Я же вас нашел.

— Точно! А как вы меня нашли? — испугалась она.

— Да вы сами назвали свое имя и дали этот адрес. Врачу в больнице.

— Ой! — Она снова заметалась по комнате. — Какой ужас! Как это я так сглупила!

— Чего вы так испугались? Никто вас силком в психиатрическую не потащит. Дело закрыто. Зачем вы милиции?

— Я хочу уехать за границу. Документы на визу подала. Если они что-то такое узнают — мне откажут!

— Да не волнуйтесь вы, может, и не узнают.

В этот момент в дверь позвонили и девушка бросилась открывать.

— Я от Геннадия Петровича, — раздался в коридоре мужской голос. — Вещи где?

— Возьмите.

— Геннадий Петрович велел передать, что квартира оплачена до конца месяца. Будете уезжать — ключи на столе оставьте.

— Хорошо.

Дверь захлопнулась. Но девушка не появилась в комнате. Никита сидел, ожидая ее возвращения, и размышлял. Что же могло произойти, чтобы молодая красивая девчонка решилась на столь отчаянный шаг?

Он сидел долго. Прошло уже минут десять, но девушка в комнату не вернулась. Наступившая в квартире тишина испугала его. Не хватает только, чтобы она сиганула с балкона! Именно тогда, когда он здесь. Он вышел в коридор, заглянул в кухню — там никого не было. В спальне с огромной кроватью — тоже пусто. Его затошнило. Он подбежал к окну спальни и высунулся чуть ли не по пояс. Внизу темнел квадрат двора с зелеными кругами крон деревьев. Он зачем-то побежал обратно в гостиную, вышел на балкон, словно она могла выброститься из зала, где все это время находился он. Балкон выходил на ту же сторону,

что и окно кухни, и внизу, где шумела оживленная улица, он тоже не заметил очертаний тела. Он приоткрыл дверь в туалет. Дернул ручку двери в ванную. Ага! Слава богу! Он расслышал слабый шум воды за массивной дверью и уже хотел уйти, но что-то его остановило. Путем простых логических заключений в его голове сложилось новое подозрение. Ванна! Ванна — вода — вены! Она может вскрыть себе вены!

— Эй! — постучал он. — Эй ты, открой-ка!

Ответом ему был только шум льющейся воды. Так и есть! Режет вены, дура!

— Открой, слышишь! Настя! — заорал он, вспомнив имя, написанное на бумажке вместе с адресом. — Открой немедленно! А то я дверь сломаю!

И поскольку она не отвечала, он сначала легонько, так, чтобы сломать только язычок замка, а потом уже сильнее надавил на дверь плечом. Она оказалась прочная, из дорогого дерева, и ничего другого не оставалось, как, разбежавшись, попытаться выбить ее. Что Никита и сделал. Он с силой толкнул дверь, не заметив, что шум воды прекратился, и с разбегу влетел в ванную, потому что девушка уже открыла замок. Он налетел на раковину и чуть не разбил головой большое круглое зеркало над ней. Оно угрожающе задрожало, но не упало. Девушка стояла рядом,

завернувшись в большое банное полотенце, и удивленно смотрела на него.

— Вы не ушли?

— А вы чего... закрылись? — поморщился он, потирая ушибленное плечо.

Она недоуменно посмотрела на Никиту и, догадавшись о его подозрениях, начала смеяться. Он смотрел, как она, зажмурив глаза и запрокинув голову, хохотала, и до того нелепыми показались ему собственные опасения, что он тоже засмеялся. Так они стояли и хохотали, пока ее смех не перешел сначала во всхлипывания, а потом в рыдания. Теперь она плакала, да так горько и безысходно, что Никита не мог этого вынести. Он обнял ее и стал гладить, как ребенка, по голове, по влажным после душа волосам, по прохладной, в каплях спине, пока она, склонив голову ему на плечо, безутешно рыдала. Девушка, словно в беспамятстве, обвила его шею руками, и он чувствовал, как горячие слезы каплют ему на шею.

— Ну-ну, перестань. Пожалуйста, перестань, — шептал он, вдыхая травяной запах ее влажных волос.

Затем он осторожно приподнял ее и на руках отнес в спальню. Она оказалась удивительно легкой для своего роста, даже какой-то невесомой. Он бережно опустил девушку на постель, целомудренно прикрыв ее длинные обнаженные

ноги углом покрывала. Она уже не рыдала, только судорожно всхлипывала и не отпускала его шею. Волосы ее разметались, глаза были закрыты.

— Поцелуй меня, — прошептала она.

— Чего? — не понял Никита.

— Пожалуйста... — Она, не открывая глаз, тянулась к нему. — Пожалуйста...

В пятницу он решил сходить с друзьями в бар, оторваться по полной, как называл это Женька. Надо было обмыть машину, чтобы хорошо ездил. И вообще, Никите нужна была разрядка. Сначала это злосчастное ДТП, потом дни до суда, которые он по пальцам считал. Он не мог ни на секунду расслабиться, только и думал, что будет да как. Потом это сумасшествие. Красавица Настя со своим непонятным нравом и легко меняющимся настроением. То обвиняла его, смотрела с презрением, как солдат на вошь, то на шею бросилась. Воспоминания об этом не давали ему заснуть по ночам. И то, как он отреагировал на ее поцелуи, было непривычным и странным. Никогда еще Никита не чувствовал к женщине столько нежности. В тот миг, когда она обвила его шею руками, он потерял власть над собой. Он сделал бы что угодно для нее. Она была такая хрупкая, такая нежная и беззащитная, что хотелось укрыть ее от всего мира в своих объятиях. И это было тоже не

похоже на него. Современные девушки зачастую сами проявляли инициативу. Некоторые так просто вешались на шею, как выпьют лишку. Настя тоже первая обняла его, но в ее объятиях не было ничего пошлого, ничего вызывающего, только мольба о помощи. То, что случилось потом, возможно, и не входило в ее планы, поскольку дальше она уже инициативы не проявляла. Она не противилась, но словно, внутренне отстраняясь, просто уступала ему. Он почувствовал это, но остановиться уже не смог. Однако ушел он сразу же, как только она попросила об этом.

— Ты в порядке? — спросил он на прощание.

— Да, все нормально.

— Я оставлю тебе визитку. Позвонишь?

— Хорошо, спасибо, — пробормотала она, вряд ли понимая, о чем ее спрашивают, и отвернулась, завернувшись в покрывало.

Никита благоразумно полагал, что вскоре забудет об этом происшествии. Но проходили дни, а он не мог заставить себя не думать о ней. Такая молодая, такая красивая и такая непонятная. Кто был этот Геннадий? Почему она хотела покончить с собой? Эти вопросы не давали ему покоя. Он не мог позвонить ей, так как не знал ее номера телефона. А сама она не звонила.

Впятером они засели в ночном клубе до утра.

Это был самый престижный и модный клуб в городе, и Никита, уже изрядно выпив, весь вечер всматривался в высоких девушек в зале, отыскивая среди них Настю. Он выставил друзьям три бутылки водки. В клубе не готовили. Они взяли легкие закуски, и к полуночи все были пьяны.

— Наш друг, моралист Никита, кажется, наконец-то выбирает девушку на сегодняшнюю ночь, — едва ворочая языком, язвил Вадим.

— По этому поводу надо выпить, — поддержал его Женька.

— Коля, наливай, что осталось! — скомандовал Игорь.

Голова у Никиты гудела. После застолья они танцевали. Потом за их столиком оказались две девушки. Они курили не переставая, и у Никиты от дыма стали слезиться глаза. Затем девушки куда-то пропали — как оказалось, они ушли с Женькой и Вадимом. Под утро они вдвоем с Колей с трудом вынесли отяжелевшее тело мертвецки пьяного Игоря и втокнули его в такси.

Никита проснулся после обеда в субботу с жуткой головной болью. Едва доплелся до кухни, сделал себе кофе и, выпив таблетку, снова лег. И это они называют «оторваться»?! Ну и какой в этом смысл? Что за радость? Теперь будет до вечера приходить в себя. Нет, не зря он не любит пить. Да и наследственность у него такая, что лучше не

усердствовать. Он закрыл глаза и вытянулся на постели. Снова вспомнил Настю. Она все так же интересовала его. Где она? Что сейчас делает? Почему не звонит? Может, съездить к ней?

В дверь позвонили, и он поплелся в одних трусах открывать. Пришел сосед, худой Колька, с литровой банкой зеленоватой жидкости.

— Чего тебе? — спросил Никита, держась одной рукой за косяк.

Кофе и таблетка совершенно не помогали.

— Держите! — Колька протянул ему банку.

— Что это?

— Рассол. Мамка велела вам передать. Она видела, как вы утром из такси выходили. Первое дело при похмелье.

— Да? А ты откуда знаешь?

— Так у меня ж папка пил! Оттого и помер.

— Я не знал. — Никита ощутил родство с соседом. — Давай попробую.

Он выпил полбанки, стоя полуголым на пороге. Рассол был вкусным, с ароматом укропа и смородиновых листьев, и Никита почувствовал себя лучше.

— Спасибо матери передай. И тебе спасибо.

К вечеру ему стало легче. Но желание увидеть Настю по-прежнему не давало покоя. К восьми он отправился в душ, побрился, наскоро перекусил и поехал к ее дому. Он хотел купить цветов, но,

подумав, отверг эту мысль. Лучше не рисковать, а то еще погонит его букетом, как поганой метлой. С нее станется. Лучше сказать, что так, проездом, был в ее районе и решил проведать. Тоже глупо. Что же сказать? А может, она ничего не спросит. Вдруг она тоже его ждет?

Он припарковался у знакомого дома и через пять минут уже звонил в дверь. На звонок никто не отзывался. Он прислушался. Но разве через такую дверь что-то услышишь? Никита потрезвонил еще минут десять и спустился вниз.

— Вы не подскажете, где Настя из сто восемнадцатой квартиры? — спросил он у консьержки, пожилой суровой женщины.

Она покачала головой:

— Не знаю.

— С ней ничего не случилось? Не заболела? Не слышали?

— Откуда мне знать? Эта квартира уже три года сдается то одному, то другому. Всех не упомнишь.

Он в рассеянности сел за руль. Значит, это не ее квартира. Верно! И тот мужик, что пришел за вещами Геннадия, сказал: заплачено до конца месяца. Сегодня тридцатое. Все правильно. Геннадий, видно, ее любовник. Богатый. Пока нужна была — снимал ей жилье, а потом вышвырнул, как котенка. Может, у нее больше и

нет никого. Вот под машины и кидалась! Какой он дурак! Ему надо было приехать к ней на следующий же день, а он все чего-то выжидал.

Сознание того, что он больше никогда не увидит эту странную Настю, неожиданно сильно огорчило Никиту. Впервые в жизни он встретил девушку, о которой думает почти постоянно, и так легко отпустил ее. Он ехал спящим городом, ночными улицами и вспоминал ее хрупкое тело, влажные длинные волосы, в которых путались его пальцы, ее нежную кожу и горячее дыхание. От таких мыслей ему становилось жарко и одновременно тоскливо. Он потерял ее!

А может, это и к лучшему. Найди он ее сейчас в прежней квартире, кто знает, каких бы глупостей он натворил. Такая девушка не годится в жены. Она слишком непредсказуема и непонятна...

Ее звонок нашел его, когда он уже и не ждал.

— Слушаю, — ответил Никита, увидев на экране незнакомый номер.

— Прости, что беспокою, но я не знаю, к кому еще обратиться, — прозвучал странно знакомый женский голос.

— Да? — сказал он, пытаясь вспомнить, кому бы этот голос мог принадлежать.

— Я Настя. Помнишь, я еще бросилась под твою машину?

— Настя? Помню! Что-то случилось?

— Да. Случилось... Не то чтобы... В общем, мне нужна твоя помощь.

— Я готов.

— Я сейчас в аэропорту. И так случилось, что я не могу уехать отсюда...

— Куда уехать? Улететь?

— Нет. Я уже не могу улететь. Мне надо в город вернуться. А денег нет... Я нашла твою визитку и подумала: у тебя машина... Может...

— Да-да, конечно!

— Никита, чего примерз? Идем, шеф ждет. — Сотрудник заглянул к нему в кабинет. — Ты что, забыл про совещание?

Он взглянул на часы. Точно, совещание у главного через минуту. Он вышел из кабинета, продолжая разговор:

— Я приеду, но только где-то через час. Раньше никак...

На том конце отсоединились. Он шел в кабинет к главному и чертыхался про себя. Нужно же было ей позвонить, когда он ну никак не может вырваться. На совещании он плохо соображал и только ценой невероятных усилий заставлял себя думать о рабочих проблемах. Совещание тянулось, как ему показалось, бесконечно. Шеф был многословен и вальяжен. У него было хорошее настроение, и его тянуло поговорить. Он то и дело

пускался в лирические отступления, а Никита сидел как на иголках. Она позвонила. Она позвонила! И он снова может ее потерять из-за того, что сегодня их боссу хочется побалагурить!

Наконец шеф соизволил закончить совещание, не забыв едко отметить, что настроение начальников отделов напрямую определяет климат в рабочих группах, и при этом недовольно покосился в сторону Никиты. Но ему было плевать. Прошло то время, когда он боялся подковерной борьбы, интриг и сплетен. В настоящий момент он занимает свое место и не собирается прогибаться перед шефом, даже если тому и не нравится выражение его лица. На этом совещании не было сказано ничего важного или нового. Откровенно пустая трата времени.

После совещания он отправился к себе в кабинет и стал звонить по последнему номеру. Она не брала трубку. Он набирал и набирал его: пока собирал сумку, выходил из офиса, садился в машину... Шли длинные гудки, но она не отвечала. Он завел мотор, поставил телефон на автодозвон и уже выехал на проспект, как вдруг она ответила.

— Алло, Настя! Это я! Я сейчас за тобой приеду. Ты в каком терминале?

— Я в городе.

— Где?

— На мосту?

— На каком мосту?

— Где метро...

— Что ты там делаешь?

— Стою... — Голос у нее был такой, что он испугался.

— Настя!

— Да?

— Ничего не делай и никуда не ходи. Я сейчас буду.

Никита несся как сумасшедший. Впервые его не пугало дорожное движение и он не думал, что может случайно поцарапать или ударить свою новенькую машину. До моста он доехал быстро. Потом перестроился в крайний правый ряд и медленно поехал за большим грязным грузовиком, готовясь затормозить в любой момент. Он проехал мост и не увидел ни одного человека, стоящего или идущего по мосту. Что бы это значило? Вероятно, она по другую сторону. Он съехал с моста, развернулся и так же медленно поехал в другую сторону. Никого! Что за шутки? Но, подъезжая к набережной, он заметил женскую фигуру. Она стояла, опираясь локтями на чугунные перила моста, и смотрела вниз, в воду. У ее ног лежала большая дорожная сумка.

Он остановился, не забыв включить аварийку, и опустил стекло:

— Настя! Садись.

Она повернулась и посмотрела на него, словно не узнавая. Ему пришлось выйти, взять ее за локоть и посадить в машину. Сумку он бросил на заднее сиденье.

По дороге она молчала. Никита повез ее к себе. Он не знал, что с ней случилось, и не хотел спрашивать по дороге. Захочет — сама расскажет. Она очнулась, только когда они уже подъезжали к его дому.

— Куда мы едем?

— Как ты добралась в город? — спросил он, проигнорировав вопрос. — Ты же сказала, что денег нет.

— Предложил один мужчина. С виду приличный. А в машине стал такие вещи говорить, что я вышла сразу же, где пришлось.

— На мосту?

— Угу, — промычала она. — Вышла, стою и думаю: «Вот зачем такая жизнь?»

— Ты слишком часто так думаешь, тебе не кажется?

Она не ответила, только отвернулась к окну и закрыла лицо руками. «Господи, почему все это происходит со мной?» — прошептала она. Никита сбросил скорость и начал поворачивать к площадке перед домом.

— Ты куда меня привез? — всполошилась она.

— К себе.

— Зачем?

— Ты ведь, кажется, просила о помощи?

— Ничего я не просила.

— Ну как же, ты же звонила!

— Я просила привезти меня в город. Но я добралась без тебя.

— А у тебя есть куда ехать? Давай отвезу. — Он с готовностью снова завел машину. — Говори адрес.

Настя молчала.

— Ну?

Никита выждал несколько минут и заглушил мотор.

— Идем. Дома разберемся.

Она подчинилась. Никита шел впереди со своим ноутбуком и ее объемной сумкой. Ни слова не говоря, Настя проследовала за ним на четвертый этаж.

В квартире она робко остановилась у порога, опустив голову. Ее длинные волосы скрывали лицо. «Что у нее за манера такая, — подумал он, — нагнуть голову и спрятаться за волосами, словно укрыться от всего мира?»

— Пойдем в кухню. Ужинать будем.

Он повел ее за собой, усадил за стол и заглянул в холодильник.

— Так, что тут у нас?

В холодильнике было пусто. Тут он вспомнил, что после работы как раз собирался съездить в супермаркет.

— Да... — пробормотал он и закрыл дверцу. — Чай будешь? С медом.

Настя кивнула. Он включил чайник, достал чашки и блюдца. Хорош хозяин! Привел девушку в гости. В доме есть нечего. Может, пригласить ее в ресторан? Он бросил взгляд на свою гостью. Не пойдет. Еще и испугается. Или сбегать в гастроном на углу? Хотя, оставь ее теперь одну в квартире, возьмет и уйдет. Лучше уж попьют пустого чаю...

Никита уже разливал чай по чашкам, когда в дверь позвонили. На пороге стоял улыбающийся Колька с маленькой кастрюлей в руках.

— Здравствуйте. Вот, мамка передала. Она вас из окна видела. С девушкой, — во весь рот заулыбался он. — Ужина у вас, небось, нет?

Никита в очередной раз обрадовался тому, что у него такие соседи, и чуть не расцеловал рыжего оболтуса.

— Спасибо, Колька, вы меня выручили! У меня, знаешь, даже хлеба не оказалось, — косясь в сторону кухни, признался он. — Так неудобно...

— Тю! Хлеба? Так я мигом в магазин слетаю! — с готовностью вызвался парнишка.

— Правда? Вот спасибо! Погоди, я тебе сейчас денег дам.

Он вернулся с кошельком и протянул Кольке несколько купюр, перечисляя, что следует захватить вместе с хлебом:

— Сыр, колбасу, масло, молоко, яйца. Не тяжело будет?

— Обижаете, дядь Никит. Хотите, я еще торт куплю? У нас в гастрономе такой классный торт продают, вашей девушке понравится. Только он дорогой.

— Бери. И знаешь что,хвати еще фрукты: яблоки там, апельсины, бананы. В общем, чего увидишь. Ну и себе что захочешь купи. За беспокойство.

Колька бросился вниз по лестнице, а Никита вернулся в кухню, неся в руках спасительную кастрюльку. Настя сидела, горестно подперев ладонью щеку. Волосы она убрала с лица, и ее высокий лоб был озабоченно нахмурен.

В кастрюльке оказались голубцы, распространяющие такой умопомрачительный запах, что у Никиты прямо слюнки потекли. Он выложил голубцы на тарелки и присел к столу:

— Давай-ка ешь.

Настя не заставила себя упрашивать и налегла на голубцы. На несколько минут воцарилось молчание.

— Ну как? — спросил Никита, подцепив вилкой новую порцию.

— Очень вкусно! — ответила Настя с полным ртом.

— Соседка передала. Мировая женщина! Увидела нас в окно и догадалась, что у меня есть нечего.

— Может, она в тебя влюблена?

— Что ты! Она в возрасте. Просто со всеми соседями дружит. Мне вот занавески сшила. Старушкам лекарства носит. Ну и я, если надо чего, всегда пожалуйста. На рынок свозить, мебель передвинуть... С соседями дружить надо.

— Дружить — это хорошо. — Настя подобрала последние зернышки риса и повторила: — Спасибо. Очень вкусно.

— Погоди, мы еще чай с тортом пить будем. Сейчас Колька принесет.

— А я, сколько в городе жила, ни с одной соседкой не познакомилась. Каждый сам по себе. Это у нас в селе все друг друга знают, а здесь ты никому не нужен, хоть сдохни.

— Ну, ты же видишь, не все такие.

— Это в старых домах, а в новых... В лифте вместе едут — не здороваются. Еще и морды воротят, ни с кем знаться не хотят.

Вернулся Колька с пакетами, доверху наполненными продуктами. Поставил их на стол и отдал сдачу Никите.

— Оставь себе, — запротестовал тот.

— Не-а... — помотал головой Колька. — Я себе колу купил и чипсы, мне хватит. Вот торт. Сегодняшний.

Никита передал половину торта Лилии Петровне. Колька ушел довольный, с улыбкой во весь рот.

Никита нарезал торт.

— Объясни, что с тобой произошло, — спросил он.

— Сумочку украли. В аэропорту. Представляешь? Прямо на регистрации! Я на секунду к табло отвернулась, смотрю — а сумочки нет! А в ней все: документы, билет, деньги... Хорошо еще, что мобильник был в кармане. Я к милиционеру: найдите, я же на рейс опаздываю! А они: где, как, чего? Никого не искали. А меня продержали целый час! Лучше бы я сама за ним бросилась. Кучу бумажек подписать заставили — и все! Самолет мой улетел. Сумочка пропала, а с ней... — Настя махнула рукой и громко вздохнула, — вся моя жизнь.

Голос ее задрожал.

— А ты куда улететь должна была?

— Какая теперь разница куда! У меня последнее время все так! Хуже некуда! Думала: уеду, другую жизнь начну. И тут облом. — У Насти в глазах стояли слезы.

— Погоди, погоди. Давай подумаем, что

можно сделать. Какие документы были в сумочке?

— Загранпаспорт, а в нем виза. Ну и билет, деньги...

— Ну, с билетом все. Визу можно обновить или еще раз получить, объяснив ситуацию. А загранпаспорт — дубликат заказать. Слушай, а где твой внутренний паспорт?

— В сумке.

— В этой?

— Да.

— Это хорошо. По нему тебе сделают новый загранпаспорт. Билет купишь. Вот и все. Безнадежных ситуаций нет!

Настя вздохнула:

— Да, придется все начинать сначала.

— Ничего. Это не смертельно.

— Так не хочется все по-новому проходить! Я уже со всеми попрощалась. Все здесь оставила.

— Значит, не все, — улыбнулся Никита. — Значит, надо было, чтобы ты осталась.

— Зачем? — подозрительно глянула она на него.

— Мало ли зачем... Может, для того, чтобы мы с тобой встретились. Если честно, я ждал, что ты позвонишь...

— Вот еще! — нахмурившись, фыркнула Настя. — У меня просто твоя визитка с телефоном в книге осталась вместо закладки. Я как стала рыться

в сумке в поисках денег, думала, может, что в карманах завалялось, так на нее и наткнулась.

— Вот видишь! А не украли бы твою сумочку, мы бы не встретились.

— Я бы это как-то пережила, — неблагодарно ответила Настя и снова помрачнела. — Теперь еще деньги найти...

— А сколько надо?

— Какая тебе разница?

— Ну, — пожал плечами Никита, — я могу помочь.

— Спасибо, обойдусь. — Она снова напустила на себя холодность. — Если можно, я у тебя сегодня останусь, а завтра уеду.

— Куда уедешь?

— Какая тебе разница? Чего ты взялся меня опекать?

— Но я же тебя спас! Не затормози я тогда, тебя могло бы уже не быть. В китайской философии тот, кто спас человека, должен заботиться о нем. Он как бы подарил ему новую жизнь и теперь обязан проследить, каким будет его путь.

— Чушь собачья! Тот, кого спасли, тот и должен.

— Это у нас так, у них наоборот.

— Но мы же с тобой не китайцы.

— И что? Поэтому ты не хочешь принять от меня помощь?

— Просто мужчины бескорыстно никогда ничего не делают.

— Может, я исключение?

— Ага! — Ее кукольные губки возмущенно сжались. — Я помню, какой ты бескорыстный!

— Что ты имеешь в виду?

— То и имею!

— Но... — Никита растерялся. — Ты же сама хотела...

— Не ври! Этого я не хотела.

— Ты же просила тебя поцеловать!

— Да. Поцеловать просила. — Настя опустила глаза, и губы ее задрожали. — Мне было очень плохо. Я просто просила меня утешить. А ты... Ты воспользовался моим состоянием. Все вы такие: говорите девушке о душе, а смотрите на ее ноги!

— А вы считаете, что мужчина — это машина, которая включается и выключается по щелчку! То «поцелуй», то «не надо»... Хотя «не надо» ты не говорила! — вспыхнул он, чувствуя, как в душе поднимается волна досады.

— Я была не в себе, а ты воспользовался! — закричала она. — И сюда поэтому привез? Так вот, ничего тебе не обломится! Где мои вещи? Я сейчас же уйду!

Она вскочила, собирая волосы в узел.

Никита тоже встал, беспомощно уронив руки. Пожалуй, она права, он просто не сдержался, не

совладал с собой. Но он не думал, что это было ей так неприятно.

Настя присела у своей сумки, достала куртку и, закрыв все замки, потащила ее к выходу. Потом стала обуваться, не глядя на него.

— Настя, — сказал Никита, — не уходи. Я... Если ты не хотела, извини меня. Я не так понял... Я не буду к тебе приставать. Честное слово! Ты же хотела переночевать. Куда ты сейчас пойдешь? Завтра утром я отвезу тебя, куда скажешь.

Никита лежал тихо, прислушиваясь к ее дыханию. Спали они вместе на его кровати, поскольку другой пригодной для сна мебели в его комнате не было. Настя плотно завернулась в его единственное одеяло, а он лег с краю одетым и укрылся пледом. Его гостья быстро уснула после насыщенного событиями дня, а он пролежал почти всю ночь без сна, боясь пошевелиться. Во сне Настя повернулась к нему лицом. В свете луны оно было спокойным и безмятежным, как у ребенка. И он вдруг снова почувствовал к ней необычайную нежность. Хотелось прикоснуться губами к этому высокому чистому лбу, погладить кончиками пальцев ее щеку, но он, помня свое обещание, этого не сделал.

Утром он отвез Настю в центр и поехал на работу. С утра она надела темно-серый костюм с прямой юбкой до колен и узким приталенным

жакетом, скрутила волосы в узел и закрыла пол-лица черными очками. В таком виде она показалась Никите невероятно элегантно. Она села на переднее сиденье машины, положив на колени маленькую концертную сумочку, больше похожую на кошелек, и Никита вовремя вспомнил, что у нее нет денег. Он протянул ей несколько купюр и спросил:

— Ты когда вернешься?

— Не знаю. — Голос ее был холоден.

Никиту снова задел ее тон: так отвечает, словно он навязывается!

— Я не знаю, когда освобожусь, — проворчал он, скрывая обиду. — Ты адрес запомнила?

— Да.

— Я заканчиваю в полвосьмого.

— Я позвоню.

И она вышла из машины. Ни тебе «до свиданья», ни «спасибо».

На работе дым стоял коромыслом: приехали партнеры из Швеции. Никита весь день был занят, он участвовал в переговорах, а вечером должен был сводить гостей в ресторан. Он так закрутился, что совсем забыл о своей гостье. Только в девять вечера, когда они уже заказали кофе и обменивались вежливыми, ничего не значащими фразами, Настя позвонила. Он извинился и вышел из-за стола.

— Ты где?

— Я? Еще на работе. А ты?

— Вообще-то у тебя под дверью.

— Что же ты раньше не позвонила?

— Зачем? Ты же сказал, когда заканчиваешь.

— Прости. Я буду через... полчаса. Можешь зайти к моей соседке в тридцать четвертую.

— Вот еще! Ладно, я подожду.

Никита мчался по ночным улицам. Его губы сами собой растягивались в улыбку. Она ждет его! Она ждет!

Но в парадном Насти не было. Не было ее и во дворе, куда он, дойдя до двери своей квартиры, снова спустился. Он прошелся по двору и снова поднялся наверх. Прежде чем зайти к себе, он позвонил Лилии Петровне.

— Ага, вот и Никита! — вместо приветствия воскликнула она. — Ну, что я говорила? — крикнула она в глубину квартиры.

Из комнаты показалась Настя. Она была в той же юбке от костюма и в маечке, а жакет держала в руках. Волосы она снова распустила, и они свободно рассыпались по плечам.

— Здравствуйте, Лилия Петровна, — заулыбался Никита, у которого словно гора с плеч свалилась. — Спасибо вам огромное!

— Да не за что. Смотрю, сидит твоя красавица под дверью. Ну как же я могла ее там оставить?

— Спасибо, спасибо...

В квартире Настя сразу отправилась в душ, а Никита тем временем переоделся: снял новый костюм, который надел сегодня из-за шведов, и облачился в спортивные штаны и футболку. Ему нужно было просмотреть пару писем, на которые надо было ответить сегодня, и он сразу же включил компьютер. Он еще работал, когда Настя вышла из ванной и молча начала расстилать постель.

— Как дела? — спросил он, не поворачиваясь, но стараясь побыстрее закончить.

— Нормально, — ответила Настя, и по скрипу он понял, что она ложится. — Если бы ты вернулся раньше, я бы успела уехать к знакомой. Но они уже легли спать. Там грудной ребенок.

— Я тебя не гоню. Можешь оставаться сколько надо. Сама видишь, во сколько я прихожу. Совсем забыл про этих шведов. Пришлось еще вести их ужинать. — Он отправил последнее письмо, выключил компьютер и повернулся к ней. — Паспорт заказала?

— Пока нет. Но договорилась.

— А визу?

— Визу сделают. Только деньги нужны.

— Сколько?

— Какая разница? — недовольно ответила она.

— А у тебя есть где взять? — стараясь не

заводиться, спросил Никита.

Нахалка какая! Могла бы быть хоть немного любезнее, раз находится в его доме.

— Не беспокойся, найду, — отрезала она и отвернулась к стене.

Никите стало стыдно. Если он дал кров девушке, это вовсе не означает, что она обязана отчитываться перед ним.

— Настя! — позвал он. — Может, чаю выпьем?

— Я не хочу. Меня твоя соседка накормила.

Никита тоже не хотел есть после ресторана, но он рассчитывал поговорить с ней.

— Ну, тогда просто посиди со мной, — еще раз попытался он.

— Я устала, спать хочу. — Она повернулась к нему и приподнялась на локте. — Я нашла, где подработать, и могу от тебя съехать. Вот только жилье подыщу.

— Ты же собиралась уезжать!

— Я и уеду. Но только через две недели. Пришлось попроситься на мою старую работу. Там как раз девочка заболела, так что меня взяли на подмену.

— А что за работа?

— Неважно. Главное, что деньги каждый день платят. Так что я смогу и с тобой рассчитаться, и билет купить.

— Ты мне ничего не должна.

— Как хочешь. Это я для ясности. — Она легла на спину и положила руки поверх одеяла.

— Ты можешь эти две недели пожить у меня, — вырвалось у него.

— Вряд ли это хорошая идея.

— Почему?

— Ну, хотя бы потому, что у тебя всего одна кровать и только одно одеяло.

— Я могу завтра купить второе одеяло и спать на полу. Если ты меня боишься.

— Я не боюсь. И ты мне не мешаешь. Просто я не хочу, чтобы ты снова меня не так понял.

— Если тебя беспокоит только это, оставайся смело. Я не собираюсь требовать таким образом плату за гостеприимство.

— Спасибо, — впервые за весь вечер слабо улыбнулась она. — Но тебе неудобно, я же вижу. Может, завтра у меня еще не получится, но на днях я точно освобожу тебя от своего присутствия.

— Я же сказал: ты мне совершенно не мешаешь. Я целыми днями на работе. А на две недели тебе никто квартиру не сдаст. Разве только посуточно. А это очень дорого.

— Хорошо, раз ты так настаиваешь, — снова улыбнулась Настя, и эта улыбка сразу осветила ее лицо, — я останусь. Только тебе придется дать мне ключи от квартиры.

— Пожалуйста. — Он вскочил и принес из кухни дубликат ключей. — Держи.

— Спасибо. Это чтобы тебя не будить. Я буду приходить поздно.

— Как скажешь, — улыбнулся он в ответ, радуясь их возникшему взаимопониманию, не обратив на ее последние слова никакого внимания.

Она действительно приходила очень поздно, вернее сказать, очень рано. А когда уходил он, она еще спала. За четыре дня он ни разу не видел ее бодрствующей. Пока его не было, она убирала в квартире, иногда что-то готовила, очень простое: отварную вермишель с сосисками или гречку с яичницей. Еду он находил вечером на плите. Днем он звонил ей то по домашнему телефону, то на мобильный. Он уже знал, что она работает в ночном ресторане, едет туда к восьми вечера, а к пяти утра возвращается домой. Чтобы такая девушка работала, обслуживая завсегдатаев ночных клубов? Неужели там столько платят, что можно за две недели заработать на билет и проживание в чужой стране хотя бы на первое время? Порой его охватывала ревнивая тревога. Хотелось поговорить с ней об этом, но не по телефону же! Он был счастлив уже тем, что каждое утро, проснувшись, видел рядом ее лицо — такое милое, чистое и сонное, что ему всегда хотелось его поцеловать. Но он не позволял себе этого. Только несколько минут

лежал, наслаждаясь ее близостью, ее запахом, касаясь пальцами ее волос, рассыпанных по подушке. Эта непонятная девушка — то холодная, то резкая, но такая нежная и беззащитная — вызывала в его душе неизведанные до сих пор чувства...

В субботу он спал долго. Настя, как всегда, вернулась под утро, и он, уже проснувшись, еще какое-то время лежал, не желая ее будить. К двенадцати она наконец открыла глаза и, сладко потянувшись, повернулась к нему:

— Привет.

Он так и не купил одеяло и по-прежнему спал под пледом. Кровать его была не широкой, но и не такой уж узкой для двоих. Настя сама отвергла его предложение спать на полу, а Никите так нравилось спать возле нее, что он, естественно, на этом настаивал.

— Привет, Спящая красавица, — улыбнулся он. — Хоть сегодня удастся увидеть тебя проснувшейся. Ты работаешь по субботам?

— И по воскресеньям тоже, — ответила она и аккуратно слезла с кровати, не задев его. На ней была хлопковая футболка, не скрывающая ее длинных красивых ног.

Он не мог сдержаться и не посмотреть на них.

— А когда же отдохнуть?

— Отдыхать потом буду. Мне платят за каждый выход отдельно. — Она принялась расчесывать волосы.

Никита, подложив локоть под голову, любовался этой картиной. У него раньше не было ни одной знакомой девушки с такими длинными волосами, и он никогда не думал, что, когда женщина просто расчесывает волосы, это может выглядеть так красиво.

— Когда тебе сегодня на работу?

— Как обычно.

— Тогда давай днем погуляем, — предложил он, заранее ожидая отказ.

— Давай, — помолчав, ответила она, — только маршрут выбираю я.

— Идет. — Он встал, не стесняясь ее присутствия, и натянул брюки. — Как насчет кофе?

— С удовольствием, — ответила Настя, не прерывая своего занятия.

Насте захотелось поехать на природу. Она показала Никите закрытый поворот, по которому следовало свернуть с дороги, и через несколько километров они выехали на большую лужайку у озера. Там уже стояло несколько машин. Две компании расположились неподалеку. Никита вытащил из машины пакет с купленной по дороге провизией и расстелил на траве полотенце. Настя тем временем сбросила платье и подошла к воде.

Некоторое время она стояла, пробуя ее ногой и собирая волосы. У нее была очень красивая фигура, которую не портила некоторая худоба: длинные ноги, тонкая талия, маленькая грудь и узкие бедра. На ней был белый в цветочек раздельный купальник, и Никита видел, что на нее обратили внимание все отдыхающие — и мужчины, и женщины. Настя заколола волосы, зашла в воду и медленно поплыла. Никита поставил автомобиль на сигнализацию, разделся и последовал за ней.

Они долго купались, потом перекусили, позагорали и снова плавали. Никита не помнил такого светлого и наполненного дня в своей жизни. Природа, казалось, радовалась вместе с ним. Молодые березки тянули к солнцу свои кудрявые головки, изгибая тоненькие, как у гусят, шеи. Раскидистые клены шелестели большими зелеными листьями, словно степенные дядьки одобрительно потирали широкие ладони в предвкушении праздника. Плакучие ивы томно клонились к воде, и в их тенистой прохладе было уютно, как в шалаше. Никите даже вспомнилась поговорка про милого и рай. Сейчас это было в тему. Настя была бедна, но с ней для него самый настоящий рай. Под этими густыми ивами, у этого заболоченного озера. О большем он не смел даже мечтать. Говорили они мало, не касаясь грустных для нее тем, не хохотали залиvisto, как соседние компании, но ему и без

того было хорошо. Настя умела молчать со смыслом. Говорила она мало, но не говорила глупостей. А может, ему только казалось, что любая ее фраза имела особый смысл. Она не была похожа ни на одну из знакомых ему девушек, которые болтали без умолку, кокетничали и томно поглядывали на мужчин в ожидании ответной реакции или вели себя заносчиво и старались поразить своей эрудицией. Настя казалась безмятежной и сдержанной, как прохладная зеленая вода в озере; безыскусной, как небо над ними; пугливой, как птицы на ветке; и бесконечно, непостижимо загадочной. Ее тонкий профиль в обрамлении струящихся светлых волос, прозрачная рука, которая словно таяла, если смотреть на нее против солнца, вызывали в Никите тихий восторг. Рядом с ней ему вспоминалось блоковское:

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука¹.

Для него она была Незнакомкой. Он говорил с ней, но не мог спросить обо всем, что его интересовало. Вернее, не мог спросить ни о чем, не рискуя навлечь на себя ее гнев. Он уже знал, что Настя не любит говорить о прошлом. Это доставляло ей страдания. А расстраивать ее он не хотел. Она такая красивая, когда улыбается! Так доверчиво подала сегодня руку, когда он протянул свою, чтобы помочь ей встать. Она, похоже, уже перестала его опасаться и держалась отстраненно только потому, что не хотела его провоцировать. Лежать рядом с ней на траве, смотреть на плывущие высоко в небе облака и разговаривать было так здорово, что покидал он озеро с сожалением. Но Насте надо было спешить на работу.

Она вышла в джинсах и короткой кожаной курточке из комнаты, где переодевалась, и улыбнулась Никите:

— Спасибо за отличную прогулку. Ну, я пошла...

---

¹ Цитируется «Незнакомка» А. А. Блока.

— А как ты возвращаешься?

— На такси.

— Это дорого, а у тебя каждая копейка на счету. Я могу тебя сегодня забрать.

— Не надо. Выпишись лучше. У тебя же выходные.

Она ушла, но травянистый запах ее духов еще долго оставался в комнате.

Под вечер позвонил Женька.

— Привет, старик! Все киснешь?

— Отдыхаю.

— Давай собирайся. Мы идем в стриптиз-клуб. Встречаемся при входе в десять.

— Не рано?

— В самый раз для субботы. Там как раз шоу-программа начинается. Да и разогреться не помешает.

Он согласился: не сидеть же перед телевизором до утра, ожидая Настю. Погуляет с ребятами, а потом позвонит и заберет ее на такси. Все равно делать ничего не сможет. Утром выспался, глаза от компьютера устали до чертиков. Чем себя занять? Пока она не вернется, он не уснет, будет сидеть и думать о ней. Уж лучше с ребятами в клуб.

К десяти все были в сборе. Зал ночного клуба был почти полон. Они заняли столик у самой сцены, где танцевали стриптизерши, и заказали

бутылку водки. В зале царил полумрак, но вот по потолку поползли лучи, а внизу сцены показался дым — начиналось шоу. Они пропустили по несколько стопок, лениво перекидываясь фразами и поглядывая на сцену, где стриптизерши показывали свои номера. Некоторым долго хлопали, свистели и улюлюкали, выражая свой восторг, других отпускали под жидкие аплодисменты. Водка закончилась, и они повторили заказ, выбрав в этот раз текилу. Сидевший рядом Женька что-то втолковывал ему насчет новой компьютерной программы. Никита рассеянно слушал его, поглядывая на танцующую девушку в черных кружевных трусиках и чулках в сетку. С бюстгальтером она рассталась давно и, выгибаясь, медленно передвигалась на четвереньках по краю подиума вдоль столиков, собирая чаевые в виде зеленых купюр, которые совали ей в трусики и за резинку чулок. Очевидно, она была здесь местной любимицей, потому что одарили ее щедро. В награду она игриво рассталась со своими трусиками прямо на сцене и ушла, зажав в одной руке одежду с купюрами.

Снова заиграла музыка, и ее сменила танцовщица в красном коротком пеньюаре, таких же красных перчатках по локоть и высоких ботфортах. Ее волосы были собраны в хвост, а лицо сверкало от розовых блесток. Улыбка сбежала с

лица Никиты: это была Настя!

Она танцевала с тем же спокойным достоинством, с каким держалась всегда. И это выделяло ее среди других танцовщиц. Она двигалась у пилона, изящно изгибаясь и призывно покачивая бедрами, как делают все танцовщицы эротик-шоу, приподняв подбородок, отчего ее шея казалась еще гибче и соблазнительнее. При этом ее лицо было надменным и отрешенным, словно она танцевала для себя. Вот она рассталась с одной перчаткой, потом с другой. Вот сбросила на пол полупрозрачный пеньюар и осталась в черных штанишках типа шорт и открытом черном бюстгальтере. Никита не мог отвести от нее глаз. Ему было стыдно, больно за нее, но он не мог не смотреть. Вот она, накрутив на большие пальцы шлейки бюстгальтера, спустила их с плеч и сняла его. Никите стало душно, когда он увидел ее маленькую беззащитную грудь в ярком свете прожекторов. А Настя продолжала танцевать.

— Что с тобой? Понравилась девочка? — заметил его состояние сидящий рядом Женька и смачно прищелкнул языком. — Хороша-а-а... Только уж больно тонкая. Я предпочитаю барышень покруглее. Девушка, — обратился он к подошедшей официантке преувеличенно пьяным голосом, — как бы моему другу пообщаться с этой красавицей? У вас есть отдельные кабинеты?

О-о-о! — заорал он, одной рукой обняв Никиту за плечи, а другой указывая на танцующую.

Никите стало плохо. Настя повернулась к зрителям спиной, нагнулась и стала опускать шортики вниз.

— Вот это да! — заорал Женька, и Никита сбросил его руку. Ему внезапно захотелось выбить приятелю все зубы, да так, чтобы он выплевывал их по одному.

Настя сняла шортики и осталась в тонких, едва заметных стрингах. В них и ушла под одобрителный гул толпы. Уже за одно это Никита был ей благодарен. Да еще за то, что не ползала по стойке, собирая деньги. Он даже протрезвел и вскоре уехал домой, оставив друзей любоваться женскими прелестями, а Настю — зарабатывать деньги. Зря он переживал за нее. В ночном клубе она за две недели заработает не только на билет.

Дома он долго стоял под холодным душем, потом до утра сидел перед экраном компьютера, а когда стало светать, перебрался в кухню. Он ждал Настю. Сварил себе крепкий кофе, потому что глаза уже слипались и тянуло в сон. Но он непременно хотел увидеть ее, когда она вернется. И как вернется. С тем же безмятежным и гордым выражением на лице? И это после того, как она крутила голым задом перед толпой мужиков? А чем она еще там занимается? Что там говорил Женька

про отдельные номера? Может, и вправду есть? Зачем он, дурак, ушел! А вдруг Женька после его ухода заказал Настю? Вдруг это тоже входит в ее работу? От одной мысли об этом Никита скрипнул зубами и налил себе коньяку. Крепкий напиток обжег горло, согрел внутренности, и он налил себе еще порцию. Он глушил свою злобу коньяком. Не думать, не думать, не думать... Но разыгравшееся воображение упрямо рисовало картины свидания в отдельном кабинете. Он боялся даже прикоснуться губами к ее щеке, не посмел сегодня обнять на озере, а Женька, может быть, в эту самую минуту...

Его мучительные раздумья были прерваны звуком поворачиваемого в замке ключа. Настя вошла и, не включая свет, в рассветных сумерках начала раздеваться чуть ли не у порога. Она сняла куртку, джинсы и только потом, держа вещи в руках и стараясь не шуметь, на цыпочках прошла в комнату. Никита схватил стакан с коньяком, залпом допил и с шумом поставил его на стол. Настя появилась на пороге, как была, в футболке и трусиках.

— Ты не спишь, — сказала она и присела за стол с другой стороны.

Ее лицо не было ни гордым, ни холодным, а только усталым и каким-то бесцветным. Волосы, как всегда, закрывали часть лица.

— Коньяк будешь? — хрипло спросил он.

— Давай.

Пока он наливал, она принесла из комнаты пачку сигарет и закурила. Придвинулась ближе к окну, чтобы дым выходил на улицу.

— Устала как собака, — сказала она ровным голосом. — А ты чего не спишь?

— Тебя жду. — Никита старался говорить спокойно, хотя внутри все клокотало.

Рассудком он понимал, что ее жизнь — не его дело. Так она ему и скажет. Но за эти несколько дней он уже привык думать о ней как о своей девушке. Подсознательно он уже давно считал ее своей — с той, первой ночи. Сначала его одолевала безумная тоска при мысли, что он никогда ее больше не увидит, а потом шальная радость, когда она нашлась. Да он готов был расцеловать того вора, что украл у нее сумочку!

Но после того, что он сегодня увидел, после всех тех бранных слов, которые он мысленно адресовал ей, после картин, которые нарисовало его воспаленное воображение, он все равно понимал, что не может без нее. И только опасения, что она может в любую минуту уйти, заставляли его сдерживаться.

— Как работа?

— Как обычно. — Настя потушила сигарету и поднесла стакан к губам.

— И сколько тебе платят?

— Когда как. Сегодня пятьдесят долларов.

— Пятьдесят долларов в час или за ночь?

Что-то в его голосе насторожило ее.

— Это что, допрос?

— Ты никогда не говорила мне, кем работаешь... — Он слышал свой голос словно со стороны. Злой голос ревнивого мужа. Боже, ну почему его это так ранит?! — Я думал, официанткой.

— Официанткой? — Похоже, это предположение оскорбило ее, словно она считала свое занятие куда более достойным. — Вот еще! Я не подносы таскаю, а танцую. И платят мне за каждый выход.

— И много раз за ночь твой выход?

— Обычно два, но бывает и больше. Раз на раз не приходится. — Она снова закурила.

Никита взял тонкую дамскую сигарету из ее пачки и глубоко затянулся.

— Ты профессиональная танцовщица?

— Я профессиональный юрист-международник, — усмехнулась она, — а танцы — это так, средство быстро заработать.

— Ну, с твоими данными можно заработать и больше.

— Что ты имеешь в виду? — вскинула она на него глаза.

— Я видел твоё выступление сегодня, —

глухо произнес он, не глядя на нее. — Мы с друзьями были в твоём клубе.

За столом воцарилась тишина. Никита не смотрел на нее. Настя молчала. Он докурил сигарету и налил коньяк.

— Ты раздевалась в двух метрах от меня, — причиняя себе боль своими же словами, продолжил он. — Знаешь, что сказал один из моих друзей?

Настя залпом выпила коньяк и со стуком поставила стакан на стол.

— Да плевать мне, что говорят уроды вроде твоих друзей, таскающиеся по ночным клубам! Что ты читаешь мне мораль? Ты же знаешь, что мне нужны деньги! И быстро! Где я еще заработаю столько?

— Известно где! — повысил голос Никита. — С твоими данными можно просить и сотню за час! И дадут! На тебя там половина клуба облизывалась!

— Не смей так со мной разговаривать! — закричала она. — Ты мне никто! Ты ничего не знаешь о моей жизни и моих проблемах! Ты сам вызвался мне помочь! Якобы бескорыстно! Но это не дает тебе права совать нос в мою жизнь! Мне нужны деньги! А как я их зарабатываю — тебя не касается!

— Отлично! — Он забежал по квартире, выворачивая кошельки и карманы. — Вот! — Он положил на стол стопку смятых купюр. — Здесь

почти триста долларов! Мало — еще добавлю! Это ты заработаешь в лучшем случае за неделю. Если, конечно, у тебя нет другого источника дохода!

— А если есть? — зло бросила она.

Его нервозность передалась ей. Она стала подкуривать новую сигарету, щелкая зажигалкой. Рука ее мелко дрожала.

— Даже так? — протянул Никита, понимая, что сейчас скажет гадость, но уже не мог остановиться. — Как интересно! Ну, тогда вообще все просто: считай это авансом от нового клиента.

— А клиент — это ты, да? — криво усмехнулась она. — Классно! А если я не хочу такого клиента?

— А ты что, можешь позволить себе выбирать?

— Представь себе!

— Значит, мне как клиенту ты отказываешь?

— Хорошо соображаешь!

— А другим уродам из клуба, как сама говоришь, нет?

Глаза Насти гневно сузились, а он продолжал хлестать ее обидными словами. Настя молчала, словно не слыша. Затем встала и ушла в комнату.

Никита пошел за ней. Его покачивало. От выпитого в голове был какой-то гул, а грудь разрывало от обиды. Значит, с любым согласна, а с ним — нет! Мразь, дрянь, проститутка! Он не знал,

мысленно произнес эти слова или вслух. Отрезвил его звук застегивающихся молний на ее сумке. Настя стояла перед ним — бледная, дрожащая от обиды. Она снова была в джинсах и куртке, волосы собраны в пучок. Она метнулась в ванную, взяла зубную щетку, косметику и стала совать это в наружные карманы сумки.

Никита мигом протрезвел. Сейчас она уйдет и никогда больше не вернется. Вчера был первый день, когда их отношения, казалось, начали перерастать в дружеские. И со временем он мог бы завоевать ее. Для него Настя была именно той девушкой, которую нужно завоевывать. Его сбило с толку ее внезапное превращение из Незнакомки в стриптизершу. Но ведь он ничего не знает о ее прошлой жизни. А она ничего не знает о его чувствах. А может, и знать не хочет. Но он не может снова потерять ее! И так по-глупому! Пусть она сто раз проститутка, он не может отпустить ее!

— Ты куда не пойдешь! — заявил он и, схватив сумку, бросил ее в угол. — Слышишь? Никуда я тебя не отпущу!

— Пусти! — Губы Насти дрожали, она едва сдерживалась, чтобы не заплакать. — Пусти! Я ни на минуту не останусь в твоём доме после таких слов! Ты как все... Все мужики такие! Сволочи вы! Врете, лапшу на уши вешаете, лишь бы добиться своего! А потом шлюхами обзываете! Я уже было

подумала, что ты другой. А ты такой же! Раз стриптиз танцуешь, значит, шлюха! Надо деньги — на, бери, но отработывай! Да я с кем угодно пойду, если придется, а с тобой — ни за что! Другие хоть порядочными не прикидываются. Все по-деловому: ваши услуги — наши бабки! Хоть знаешь, чего от них ждать! А ты влюбленного туману напустил, а сам гад! Гад ты!

И она, закрыв лицо руками, зарыдала.

Никита крепко обнял ее и прижал к себе.

— Настя, Настя, прости, — говорил он, целуя ее волосы. — Прости меня. Я дурак! Но не могу я смотреть, как ты раздеваешься перед этими скотами. Умоляю тебя, не ходи туда больше! Я отдам тебе все деньги, которые у меня есть, только не ходи! Хочешь, я машину продам? Не ходи туда только! Мне ничего от тебя не надо. Честное слово! Прости...

Настя перестала вырываться, но слезы по-прежнему струились по ее лицу и капали горячими каплями ему на руки.

Они уснули под одним одеялом. Никита долго целовал соленое от слез лицо и прижимал ее худенькое тело к себе. Она уснула на его плече, уставшая и измотанная. А он лежал без сна и берег ее сон. Он не тронул ее, не тронет и впредь без ее разрешения. Лишь бы она была рядом, лишь бы не уходила...

Настя вняла его просьбам и не стала больше ходить в стриптиз-клуб. Воскресенье они провели вместе. Поехали в парк, посидели в кафе недалеко от набережной, а вечером пошли в кино. Никита старался быть обходительным и не напоминать о вчерашнем неприятном разговоре. Настя позволяла брать себя за руку, иногда он обнимал ее. Но она все же держала дистанцию, не жестко, но так, чтобы он ее чувствовал. Никита был рад и этому. Уже то, что она снова стала ему доверять, было для него подарком.

В кафе она рассказала ему про свои поиски работы после института, про разочарование в выбранной профессии. Она сменила несколько мест, пока ей не предложили попробовать себя в роли модели. К тому времени дорога привела ее в этот самый стриптиз-клуб. Она познакомилась с девушкой-стриптизершей и, так как ей нужны были деньги, решила поработать вместе с ней. Вдвоем они какое-то время снимали комнату и танцевали через день. Все шло нормально, пока на Настю не положил глаз один из завсегдатаев клуба. Он стал активно и назойливо ухаживать, предлагал деньги, потом начал угрожать. Настя уволилась, тем более что в тот момент как раз подоспело предложение из модельного агентства. Так Настя нашла работу по душе. Вскоре ее стали приглашать на показы

начинающих дизайнеров и снимать для журналов мод. Она стала понемногу зарабатывать, сделала себе профессиональное портфолио и решила найти работу за границей. Вот тогда она и познакомилась со Стасом.

Он был бизнесменом: молодым, красивым, успешным и перспективным. Их романтические отношения развивались на фоне экзотических курортов, дорогих ресторанов и прогулок на яхте. Насте казалось, что она попала в сказку. После голодного студенчества и первого неуклюжего любовного опыта ей не везло с мужчинами. То к ней клеились туповатые недоумки, маменькины сынки из богатых, считающие себя неотразимыми мачо, то престарелые ловеласы. Эти хоть деньги предлагали. Но она ждала другого.

Стас был необыкновенным: умным, веселым, нежным, щедрым. За месяцы их романа она не обнаружила в нем ни одного изъяна. Правда, он никогда ничего ей не обещал, жил одним днем, но она была так счастлива, что тоже не задумывалась о будущем.

Как всегда, беда пришла откуда не ждали. У Стаса все же нашелся один недостаток. В ее представлении не такой уж страшный, но он оказался роковым для их любви. Выяснилось, что он далеко не богат и полностью зависим от своего партнера и любовницы, которая была, как

оказалось, лучшей подругой владелицы того самого модельного агентства, в котором работала Настя. Пока Стасу удавалось скрывать от нее свой роман с начинающей моделью, все было прекрасно. Но стоило его любовнице об этом узнать, и раз — Настю выкинули из агентства. Два — с ней разорвали контракт сразу три журнала мод, один из которых принадлежал любовнице Стаса. Да и сам бывший возлюбленный пропал, прислав сообщение о срочной командировке и невозможности дальнейшего общения. Все подруги-модели, словно по команде, забыли номер ее телефона и не отвечали на вызовы. Только одна из них, добрая и отзывчивая девушка, прояснила ситуацию:

— Настя, ты прости, но нам под страхом увольнения запретили с тобой общаться. Я понимаю, что это несправедливо, но терять работу никому не хочется.

Еще с месяц Настя пыталась где-то устроиться, ходила на кастинги, оббивала пороги других агентств, но ей везде был оказан самый холодный прием. Любовница Стаса, Маргарита, постаралась вовсю: у нее были хорошие связи в мире моды, и она всерьез решила сплавить соперницу куда подальше, в тьму-таракань, откуда та и выползла. Очевидно, Стас здорово на модель запал, решили окружающие, раз Марго развернула такую бурную деятельность.

Она действительно вытянула своего бойфренда из грязи в князи, сделала его своим партнером и хотела со временем выйти за него замуж. А тут такое своеволие: ездит с какой-то девицей по курортам, катает ее на яхте, и все это за ее, Маргариты, кровные, поскольку без нее ничего бы у него не было! Вышвырнуть бы его на помойку, пусть там милуется со своей Настей! Но дарить свое творение этой плебейке? Нет уж! И Марго отослала провинившегося любовника на месяц в Америку. Пусть поостынет да подумает на досуге, что теряет. И он подумал.

Через месяц Стас, послушный и пылкий, вернулся к Марго, и она простила его. Что толку не прощать? Все мужчины полигамны, справедливо полагала Маргарита. А такой красавчик, как ее Стас, всегда будет пользоваться вниманием женщин. Просто надо держать ухо востро и вовремя реагировать. Словом, в отношениях партнеров снова воцарились любовь и согласие.

Настя же за это время дошла до полного отчаяния. Глухая стена враждебности в мире, который она уже привыкла считать своим, разлука с любимым, неопределенность и полное одиночество. От квартиры ей отказали, поскольку нечем стало платить за те шикарные апартаменты, в которые перевез ее Стас, и она оказалась практически на улице. Бывшие подруги отвернулись от нее. Только

один человек протянул ей руку помощи — знакомый фотограф Гена. Он уезжал за границу, подписав контракт с европейской фирмой, и предложил Насте пожить пока у него на съемной квартире. Она была оплачена на полтора месяца вперед, там оставались кое-какие его вещи и техника, которую он намеревался вскоре забрать. Так Настя оказалась в квартире, в которой и познакомилась с Никитой. Теперь ей было где передохнуть от бесконечной гонки. Она засела там, практически не выходя, и возобновила поиски работы. Она рыскала по интернету, рассылала резюме, отвечала на вопросы бесчисленных анкет, но больше всего ее тревожило отсутствие Стаса. Казалось, он приедет, и все ее неприятности закончатся в один миг.

Однажды, в который раз набрав номер его телефона, она услышала в трубке родной голос. Она так обрадовалась, что смогла сказать всего несколько слов. Стас не мог не узнать ее! Но он отключился. Все еще не веря в его предательство, Настя поехала к нему. Дверь открыл он сам. Его взгляд был затравленным, а вид, как она поняла позже, довольно жалким. Она бросилась к нему, ища утешения, но он отстранился и сказал, что между ними все кончено. Она все еще не понимала... А Стас вдруг стал говорить, что из-за нее у него неприятности с невестой и с прочими

родственниками, что она достала его своими преследованиями и своей любовью и чтобы она оставила его в покое. Он говорил очень громко, чтобы сидящая в соседней комнате Марго услышала и успокоилась. Настя выбежала потрясенная. По дороге домой она в отчаянии шагнула под колеса автомобиля Никиты...

Спустя несколько дней Настя получила письмо. Ей предложили работу в модельном агентстве в Милане. Ее вспомнила одна экстравагантная дама, Мадлен, которая приезжала год назад на показ в Киеве. Она узнала Настю по фотографиям и пригласила ее поработать у нее. Настя истратила свои последние деньги на билет и визу... А дальше случилось то, что и отбросило ее назад и привело в дом Никиты.

Все это он буквально вытаскивал из нее по крупицам. Постепенно Никита составил полную картину ее прежней жизни и понял, что хуже всего для Насти было даже не предательство Стаса и вакуум, который создала вокруг нее Марго, а те гнусные предложения, что посыпались на нее со всех сторон, стоило ей оказаться в бедственном положении. Бритоголовым качкам нужна была подружка на ближайший уикенд на морском побережье, престарелые бизнесмены искали молоденькую содержанку, наглые сутенеры настойчиво предлагали поработать девушкой по

вызову. В сравнении со всем этим ее старый стриптиз-клуб был просто детской песочницей, и, когда ситуация стала безвыходной, она снова пошла туда. Одна ее знакомая заболела и выставила Настю как временную замену. Если бы она пришла проситься туда сама, администратор не взял бы ее без оплаты натурой, а так получилось, что им это надо больше, чем ей, а она просто выручает подругу. Но Никита был прав: за те пять дней, что Настя успела отработать, ей дважды пришлось чуть ли не отбиваться от клиентов, которые во что бы то ни стало хотели заполучить ее за сто баксов в комнатке наверху. Она, конечно, рассчитывала продержаться еще неделю, но неожиданное вмешательство Никиты избавило ее от этого. Она позвонила знакомой, не зная, как сказать о своем отказе, но та неожиданно заявила, что чувствует себя лучше и собирается выйти на работу. «Значит, так и надо», — решила Настя.

Никита был хороший. Она видела это. Но Стас был в сто раз лучше, а каким стал потом? Она больше не верила мужчинам и уже ничего не ждала от них. Больше всего она хотела уехать отсюда, где все продается и покупается: любовь, честь, дружба... Где ее выкинули на задворки жизни, где ей больше ничего не светит. Будущее для нее теперь воплотилось в одном слове — Милан. Единственный человек из их круга, который еще

поддерживал с ней дружеские отношения, был Гена. Он писал ей, что Милан — это здорово, это шанс, что сейчас там столица моды. И она связывала с этим городом все свои надежды.

Никита не входил в ее планы. Он ей помог. Она видела, что нравилась ему. Может, даже больше, чем нравилась. Он смотрел на нее такими влюбленными глазами, что временами ей становилось его даже жалко. Но потом она вспоминала о собственных бедах. Он вполне устроен в жизни. У него есть дом, работа, друзья. У него есть все. А она только в начале своего пути. И куда он ее приведет, кто знает. Она не хотела ни к кому привязываться.

Теперь они просыпались вместе. Иногда Никита подвозил ее туда, куда ей было нужно. Настя отправлялась по своим делам, он — на работу. Вечерами они вместе смотрели новые фильмы на его ноутбуке или гуляли, взявшись за руки, по окрестным улицам. Настя уже не чуралась его и даже отвечала на его робкие поцелуи, но по-прежнему держалась отстраненно.

В назначенный день ей обновили визу. До этого она успела восстановить украденный загранпаспорт, еще спустя пару дней купила билет, и вот — завтра она улетает.

Никита сидел в кабинете перед экраном монитора, на котором замерла мелкая сетка цифр,

но не мог заставить себя работать. В голове было одно: завтра она уезжает. Завтра она уезжает! Он сам дал ей деньги на билет. И теперь никак не сможет остановить ее. Как уговорить ее остаться? Ради чего? Ради него? За эти дни они смогли стать друзьями, может, даже чуть ближе, чем друзьями, но она не станет из-за него менять свои планы. У нее своя мечта о будущем, и он в эту мечту никаким боком не вписывается. А у него теперь даже мечты нет. То, о чем грезилось совсем недавно, сбылось. То, чего хотелось после, стало неважным. А мечтать о Насте для него было все равно что мечтать о луне. Он только знал, что никогда и ни к кому не относился так, как к ней. Он очень боялся потерять ее и точно знал, что обязательно потеряет.

Понимание этого граничило с отчаянием. Словно к нему в дом случайно залетела редкой красоты птица, а у него было совсем мало времени, чтобы полюбоваться ее ярким оперением. Он наперед знал это, поэтому вбирал ее в себя всю, со всеми мелочами: запахом кожи, цветом волос, мягким прикосновением губ. Ему хотелось запомнить ее — каждый жест, каждое слово. Ее улыбку на сонном лице перед пробуждением, ее запрокинутые тонкие руки, когда она собирала волосы в узел, ее тихий смех. Впервые он любил.

Любил со всей страстью и безысходностью. Его не любили! Чем можно удержать ее? Что нужно предложить женщине, чтобы она не ушла? Руку и сердце? О, если бы только это! Он не задумался бы ни на миг! Но он точно знал: его рука с сердцем в придачу ей на фиг не нужны! И почему он не встретил ее раньше этого Стаса? Может, тогда у него был бы шанс? Но, поразмыслив, он с горечью признал, что нет, тогда бы она тоже не обратила на него внимание. Он обыкновенный обыватель, как когда-то выразилась она. Офисная крыса. Карьерист. Скучный субъект. А она ждет от жизни сказки. Возможно, ее прошлое разочарование как раз и давало ему шанс, но он сам так бездарно упускает его. Дал ей деньги на билет. Но он не мог не дать, он же обещал! Он не мог отпустить ее снова в тот стриптиз-клуб, где она была готова на все, лишь бы заработать и поскорее улететь от него. И теперь у него нет надежды. Нет ничего, что могло бы остановить ее...

Он вернулся вечером в самом мрачном расположении духа. Стол в кухне был накрыт празднично, у приборов стояли свечи. Настя встретила его сияющая и сразу же усадила за стол. У нее был праздник. Ради этого она нарядилась в открытое летнее платье с зелено-белыми разводами, купила шампанское и расстаралась с ужином. Никита вспомнил: это же платье было на ней тогда,

когда он впервые ее увидел под бампером своей машины. Настя включила музыку на своем телефоне, положила Никите на тарелку еще теплую отбивную и придвинула тарелку с салатом.

— Ну, давай выпьем, — подняла она бокал с пузырящимся шампанским. — За удачу! И спасибо тебе огромное. Ты настоящий друг!

Никита кивнул, невесело улыбаясь, и послушно выпил до дна. Отбивная была аппетитная, салат тоже, но он почти не чувствовал их вкуса.

Она так рада, что уезжает, что расстается с ним! На лице ни тени сожаления. И плевать ей, что у него душа рвется на части.

Они пили шампанское, ужинали. Радостное возбуждение, в котором пребывала Настя, не оставляло ее. Она, напевая, убирала со стола, варила им кофе, а он сидел захмелевший и следил за ней потерянным взглядом. Вот она повернулась, вытерла стол и поставила на него две кофейные чашечки. Зазвучала новая мелодия, и Настя радостно встрепенулась.

— Ой, моя любимая песня! Никита, давай потанцуем. Я тебя приглашаю!

Она заставила его подняться, опустила руки ему за плечи. Он обнял ее, рывком привлек к себе, но тут же оттолкнул и снова сел.

— Никит, ты чего?

Настя присела перед ним на корточки, пытаясь заглянуть ему в лицо.

— Ничего, — глухо ответил он, не поднимая головы. — Ты специально меня дразнишь? Тебе это доставляет удовольствие — издеваться надо мной?

— Ну что ты, Никита, — виновато улыбнулась она и погладила его по плечу. — Я просто хотела потанцевать.

— Настя! — медленно сказал он, поднимая голову. На его щеках заходили желваки. — Ты живешь здесь третью неделю... Ты спишь со мной в одной постели... Я мужик, а не педик! Так что извини, но танцевать с тобой я не буду.

Он встал и отошел к окну. За его спиной послышался шорох. Потом ее руки обняли и развернули его. Настя стояла перед ним обнаженная, в окружении одних только струящихся волос. Никита понял, что она хочет проститься...

Проснулся он рано, еще до того, как прозвенел будильник. Настина голова покоилась у него на груди, ее худенькое плечо высунулось из-под одеяла, и он бережно укутал его. Скоро придется вставать и везти ее в аэропорт. Она улетит в этот чертов Милан, где, как она вбила себе в голову, сделает карьеру.

А может, ничего страшного? Может, Настя поработает там и вернется? Вернется к нему. Он подождет ее, сколько надо будет. Нужно сказать,

чтобы она знала это. Чтобы всегда могла на него рассчитывать. Может быть, потом, спустя время, она оценит его. Хотя в окружении моделей всегда будут мужчины, рядом с которыми он — просто недоразумение. Нет, если она уедет, для него все будет кончено. Один раз судьба уже улыбнулась ему, когда она решила броситься под колеса его машины. Второй — когда у нее украли сумочку. Получается, что ему хорошо, ей — плохо. Поэтому она уезжает...

Утренние торопливые сборы. Недопитая чашка кофе. Смятая постель. Нервно выкуренная сигарета. Настино лицо, напряженное и взволнованное. Она еще рядом, но уже не здесь. Ее взгляд блуждает по движущемуся пейзажу за окном машины. В аэропорту ее начинает бить озноб, она нервно прижимает к себе новую сумочку с документами. Занимает очередь на регистрацию. Никита упаковывает ее багаж. Послушно стоит рядом. Настино нетерпение налицо. Она даже пританцовывает, словно от волнения хочет в туалет. Считает людей перед собой. Четыре человека. Три. Два...

Словно очнувшись, Никита хватается за ее локоть и тащит из очереди.

— Что? Куда? — не понимает она. — Я за этим мужчиной! — кричит она. — Сейчас вернусь!

Никита прямо тащит ее в ближайший угол и

прижимает спиной к стене, боясь, что она сбежит, не выслушав его. Он сжимает руками ее плечи, его лицо бледное и взволнованное. Таким она его еще не видела. Он говорит быстро и сбивчиво, но четко произнося слова, словно разговаривает с иностранкой и боится, что его не поймут:

— Настя, послушай меня! Послушай внимательно. Я... У меня есть работа, квартира, машина. Я хорошо зарабатываю. Ты можешь остаться у меня. Навсегда! Я люблю тебя! Я предлагаю тебе все, что у меня есть. Выходи за меня замуж! Только не уезжай! Прошу тебя, не уезжай!

Настя не понимает. Мысленно она уже ходит по подиуму в Милане. Она уже позирует для итальянских журналов мод! Она уже там!

— Я знаю, что я нелепый и глупо выгляжу. Вряд ли меня может полюбить такая девушка, как ты. Но я люблю тебя и сделаю все, чтобы ты была счастлива со мной. Может, со временем и ты сможешь...

Теперь Настя понимает. Она моргает быстро-быстро и роняет сумку на пол. Губы ее дрожат. Ей жаль Никиту. Впервые ей так жаль его!

— Никита, Никита, успокойся, — гладит она его лицо холодными ладошками. — Я все понимаю. И ты... Господи, да ты такой хороший! Это я тебя не стою! Ты замечательный, и ты настоящий друг!

Я никогда тебя не забуду! Прости, но я должна уехать. Я не могу здесь! Здесь я умру... Я чувствую это.

Она покрывает быстрыми поцелуями его лицо.

— Настя, я люблю тебя... Остайся...
Прошу...

— Никита, ты такой славный! Ко мне еще никто так не относился, как ты. Ты самый лучший! Я тоже люблю тебя! Но я должна уехать... Прости!

Она подбирает с пола сумку и бежит в очередь. Вот она ставит багаж на движущуюся ленту, вот забирает у служащей аэропорта документы. На секунду она поворачивается, ищет его глазами и машет рукой. Торопливо идет к лестнице на второй этаж. Последний взмах руки, летящие светлые волосы... Стеклопанная дверь закрывается за ней, и Никита стоит один посреди зала, бессильно опустив руки.

Он приехал домой, не ощущая ни прелести летнего дня, ни ласкового тепла солнца. Зашел в опустевшую квартиру, где все еще хранило напоминание о ней: недопитая чашка кофе, окурок тонкой дамской сигареты в пепельнице, длинный светлый волос на подушке... Потоптался посреди комнаты, не понимая, как теперь жить, и сделал то, чего не позволял себе уже много лет, еще со смерти мамы. Он, взрослый тридцатилетний мужчина, сел

на кровать — и заплакал.

В жизни бывают времена, которые надо пережить. Не беситься, не впадать в отчаяние, а просто пережить, закусив до крови губы. Он так и делал. Работы много? Хорошо! Когда работаешь, ни о чем уже не думаешь. Потасили чуть ли не силком на корпоративную вечеринку? Отлично! В своем кругу попили пивка под пиццу? Что может быть лучше! В клубе нарезались с друзьями текилы? Что ж, изредка и это не помешает!

Хуже всего было утром в выходные — откроешь глаза, а рядом ее нет. Лежишь и вспоминаешь, пока душу рвать не начнет. Тогда под холодный душ — освежить голову и охладить тело. А потом долгий день до вечера, который некуда девать, не на что потратить... Разве что в интернете пошариться. Или написать Денису длинное письмо.

Он писал ему о своей любви, писал о Насте, писал о тоске, которая поселилась в сердце после ее отъезда. Они поговорили только раз, когда он позвонил ей сразу после перелета. Настя сказала, что все у нее в порядке. Потом она, скорее всего, сменила симку, потому что на его звонки автомат отвечал, что такого номера не существует. И теперь он не знал, как связаться с ней, а сама она не звонила.

Прошел месяц, за ним второй и третий. Жизнь пошла своим ходом. Никита много работал, по вечерам чаще всего сидел дома, с друзьями на вечеринки ходил редко. Зато стал бывать в стриптиз-барах. Он ходил туда один, долго сидел, потягивая пиво и рассматривая танцующих девушек. Вот брюнетка с грустными глазами, у нее большая красивая грудь, и все посетители концентрируют свое внимание на ней, а Никита смотрел на ее лицо. Вот пухленькая рыжая девушка, всегда в голубом боа и голубом белье. Что привело ее сюда?

Он жалел их всех. Они казались ему чрезвычайно несчастными. Никита считал, что только безвыходность может заставить женщин прилюдно раздеваться. Ему и в голову не приходило, что им это может нравиться. И что многие это делают не от жизненных тягот, а совсем по другим причинам. Он отождествлял их всех с Настей и с теми обстоятельствами, которые вынудили ее заниматься этим ремеслом. Для него Настя не была ни вульгарной, ни распутной, и ему казалось, что и другие стриптизерши такие же.

Чаще всего он ходил на стриптиз в бар недалеко от своего дома. Там его уже стали воспринимать как завсегдатая. Бармен время от времени ставил ему на стол пиво за счет заведения, а танцовщицы подмигивали и кивали, как старому

знакомому. Однажды рыженькая девушка, та самая, которая не расставалась со своим голубым боа, подседа к нему за столик. Она немного прикрыла свои прелести джинсовыми шортами и короткой маечкой, но ее внушительных размеров грудь грозила порвать тонкую ткань. Он, как положено, угостил ее коктейлем. Рыженькая спросила, нравится ли ему в их баре и как он находит ее выступления, а потом без обиняков предложила продолжить вечер вдвоем в отдельном кабинете, не забыв назвать таксу. Он подумал, что и к этому ее вынуждают обстоятельства, и потому спросил:

— Тебе так нужны деньги?

— Ты мне нравишься, — пожала плечами девушка. — Я тебя давно заприметила. Но и заработать я не прочь.

Никита отказался, а уходя, случайно услышал ее разговор с другой танцовщицей:

— Представляешь, я предлагаю ему, а он мычит что-то вроде того, что ему это не надо и он по-другому ко мне относится. А таскается сюда уже два месяца. Извращенец!

— Да импотент, скорее всего, — ответила вторая.

После этого Никита перестал ходить на стриптиз.

А потом в его жизни появилась Инна. Она давно работала в компании, и они время от времени

встречались. Сначала он не обращал на нее особого внимания. Ну, симпатичная, неглупая, мало ли таких у них. Инна работала в финансовом отделе, и познакомиться поближе их вынудила производственная необходимость. Никите пришлось несколько дней плотно контактировать с финансистами. Инна ему помогала, и после этого, встречаясь в обед в кафе на первом этаже или в лифте, они всегда здоровались и перебрасывались парой фраз.

Инна была невысокого роста, круглолицая и хорошенькая, с правильными чертами лица и кроткими карими глазами. Ее каштановые волосы всегда были разделены на прямой пробор и собраны на затылке замшевой гофрированной резинкой. Кожа у нее была смуглая и чистая. Она производила приятное впечатление — вежливая и выдержанная девушка. Никита уважал таких. Одевалась она под стать ему, довольно строго: неяркие тона костюмов, никаких мини-юбок или джинсов. Она тоже выделяла его среди прочих сотрудников. Во всяком случае, при встрече с ним ее глаза радостно вспыхивали, а лицо освещалось улыбкой.

Однажды они в очередной раз встретились у лифта. Никита был с Колей. Они как раз спускались вниз на обед, где их уже поджидали друзья, надо было обсудить планы на выходные. Как всегда, они

обменялись с Инной парой слов и вместе зашли в кафе. За обедом Вадим сообщил, что решил жениться, и в субботу звал всех к себе. Он устраивал вечеринку для друзей, но приглашал их с девушками: так будет правильно, рассудил он, почти по-семейному. Постоянные подруги были у всех, кроме Никиты.

— Никита, ты кого приведешь? — спросил Вадим.

— Хочешь, моя Светка возьмет с собой подружку? — предложил Игорь.

— Не нужно. Я буду с девушкой, — ответил он, подумав про Инну.

Она согласилась. После этой вечеринки они стали встречаться. Инне было двадцать пять лет. Она жила с мамой, папой и младшей сестрой. Характер у нее был покладистый, ровный, какой бывает у людей, выросших в спокойной семейной обстановке. Их отношения развивались по вполне предсказуемому сценарию. Никита, которого еще не совсем оставила тоска по Насте, не торопил события. А Инна по натуре не была склонна к резким эмоциональным поступкам. Ее явная симпатия и живой интерес к его делам подкупали. Никита не был избалован женским вниманием и быстро привязался к Инне. Вскоре их отношения перешли в новую стадию. Ее домашние уже нормально относились к тому, что время от

времени Инна ночевала у своего парня. Они узнавали его голос по телефону и, казалось, не имели ничего против их отношений.

Так закончилась зима, за ней пролетела весна, и Никита стал уже всерьез думать о том, чтобы осенью сыграть свадьбу. Он ничего не говорил Инне, но был уверен в ее согласии. Но вот его собственное решение пока было под вопросом. Инна была хорошей — доброй, умной, чуткой. Она угадывала в своем избраннике признаки былой несчастной любви, но не торопилась с расспросами. И он по-своему любил ее, но иногда образ Насти навязчиво возникал перед глазами, возвращая его в прежнее состояние тоски и тревоги. Она так несчастна и одинока. А может, уже не одинока? Но представить ее счастливой он не мог. Есть люди, которые носят свое несчастье на себе, как улитка домик, и без него они — не они. Так и Настя: трагизм придавал одухотворенность ее кукольным чертам, а состояние глупого счастья придавало бы ее облику схожесть с расписной деревянной матрешкой. Он сам не знал, что ему хотелось бы услышать о ней. Что она счастлива и не одинока? И тогда бы он с чистой совестью женился. Или это повергло бы его в прежнее отчаяние, и тогда в его душе не нашлось бы места для другой женщины?

Когда он был с Инной, то почти не вспоминал